

Секция XIII.

Русская диалектология

Деривационная морфонология русских говоров: аспекты функционального описания

А. Г. Антипов

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

sante3@yandex.ru

Русские говоры, деривационная морфонология, семиотические функции, категоризация

Summary. The report describes one of the topical problems of modern simultaneous word-formation — the problem of the functional load of derivational morphonology phenomenon. The role of morphonology in semiotic processes categorization is being discussed on the material of functional studies of Russian dialects.

Несмотря на сохраняющуюся актуальность развиваемых со второй половины XX в. проблем диалектного словообразования, в этой области все еще остается немало дискуссионных вопросов. В частности, по сей день нет целостного описания активных морфонологических процессов, характерных для диалектного словообразования: отсутствует системное представление о морфонологических моделях деривации в русских говорах, не определены синтагматические и парадигматические закономерности фонологических изменений словообразовательных структур диалектных лексем, не выявлены типологические особенности русских диалектов в сфере реализации явлений морфемного шва, обусловленных взаимодействием диалектных словообразовательных морфем, а также характером их семантического функционирования, не определены направления морфонологической динамики структуры диалектного производного слова, связанные с процессами изменения его морфемной членности и словообразовательной мотивированности.

В деривационной морфонологии такое положение дел, вероятно, можно объяснить степенью парадигмального развития основных разделов уровневой лингвистики, связанных с моделированием структуры слова.

Как известно, в диалектном словообразовании 70–80-х гг. XX в. было избрано «семантическое» направление развития, что вполне соответствовало не только сложившимся традициям ономазиологического описания словообразовательной системы русского языка, но и активно разрабатываемым с середины 1980-х гг. основаниям пропозициональной теории деривации слова. Если же вспомнить о начавшейся в это время в русской семантике когнитивной революции, то становится еще более очевидным, почему по проблемам формальной структуры диалектного производного слова работы настолько немногочисленны, что сам факт научного признания целого раздела диалектологии нередко ставится под сомнение. В итоге современная русская диалектология располагает лишь разрозненными наблюдениями и оценками по проблеме функционирования особых динамических структур диалектного языка, относимых к его деривационной морфонологии.

С прояснением оснований общего подхода к изучению проблем русской диалектной морфонологии соотнесены задачи проводимого нами исследования активных процессов функционирования морфонологической системы русских говоров.

Как представляется, специальное рассмотрение явлений морфонологической вариативности производного слова в русских говорах отражает, с одной стороны, значение динамических структур в построении системы диалектного словообразования, а с другой — формирование и функционирование этих структур в диалектном языке и сознании человека. Именно в таком теоретико-методологическом контексте интеграции принципов системо- и антропоцентризма нами было предложено направление семиотического описания морфонологических процессов русского диалектного словообразования, позволившее обосновать причины и характер морфонологической вариативности производящих основ и формантов, доказать симметрию морфонологических и смысловых сдвигов в формально-семантической

структуре дериватов, определить типологические особенности морфонологической вариативности диалектного производного слова и ее роль в выявлении диалектных различий русского языка. К основным результатам следует отнести и разработку оснований семиотической теории диалектной морфонологии, с развитием которых связан, на наш взгляд, целый ряд научных перспектив функционального описания деривационной морфонологии русских говоров в единстве ее отражательных и знаковых свойств.

В лингвистике новейшего периода такой подход к проблемам языкового знака привел, как известно, к рассмотрению моделирующего, когнитивно-категориального характера языковой формы в надсистеме структур памяти, отражающей нюансы естественной категоризации, что особым образом оказалось связанным с объектом нашего исследования — морфонологическими моделями современных диалектов, освещаемых в структурно-функциональном, психолингвистическом и когнитивном аспектах.

Описание морфонологических процессов, актуальных для основных диалектных зон русских говоров, позволяет, прежде всего, раскрыть характер взаимодействия морфонологической структуры слова с морфемной и словообразовательной, что составляет основу предлагаемого структурно-функционального описания морфонологии как относительно независимого от семантики уровня отождествления структуры слова и в то же время одного из уровней моделирования его внутренней формы в актах номинативной деривации.

Основные результаты типологического описания русских диалектов в морфонологическом аспекте отражают связи морфонологии и семантики. Об этом свидетельствуют факты системы и нормы, а также феномены языковой памяти, раскрываемые не только в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов, но и в условиях естественных речевых актов.

Отсюда — еще одно направление анализа диалектной морфонологии: экспериментальное психолингвистическое моделирование морфонологических характеристик слова, суть которого состоит в анализе морфонологической мотивированности производных лексем по данным восприятия и осознания структуры слова носителями диалекта.

Продуктивность морфонологии в аспекте языкового сознания обнаруживается и в ходе выявления специфики реализации в диалектном пространстве морфонологических альтернатив, что показывает значение морфонологии для организации системы диалектов, а также диалектного членения (прежде всего — в аспекте противопоставления материнских и дочерних диалектов). С данной проблематикой соотносятся задачи структурно-функционального описания русских говоров, в ходе которого определяются особенности контактных зон структуры слова, сочетающих тенденции воспроизводимости и производимости, среди которых особое внимание уделяется активным морфонологическим процессам структуры диалектного слова, а также тенденциям полимотивации, аффиксальной редупликации, полисемии, синонимии, взаимосвязанным с функционированием единиц морфонологической формы диалектных лексем.

К ключевым аспектам предлагаемого описания относится и когнитивный, позволяющий обосновать предпочтитель-

ное закрепление морфонологических явлений говоров за той или иной моделью номинативной деривации. Анализ диалектной морфонологии связан в этом плане с описанием динамических тенденций системы деривации, тех семантических функций формальных вариантов слова, благодаря

которым морфонологические модели раскрывают особенности формирования языковой картины мира диалектов — ее особого фрагмента, который опосредован языковыми знаками в области содержания их морфонологических форм.

Особенности функционирования русского регионального городского просторечия в современном языковом пространстве

С. П. Белякова

Тверской государственный университет
pedagog.russian@tversu.ru

Городское просторечие, фонетические особенности речи горожан, адаптационные возможности, модели речевого поведения.

Summary. The report will describe functioning specifics of the Tver urban vernacular in the context of the modern city. This problem is being studied basing on the regional phonetic material.

Городское просторечие (ГП) в его современном состоянии представляет собою своеобразный переходный этап от диалектной произносительной нормы к литературной, но этот переход не является однозначно направленным, не является унифицированным для разных российских регионов. Зафиксировать, описать и проанализировать специфику этого процесса, выявить переходные произносительные варианты и причины, их обуславливающие, — актуальная задача современных региональных лингвистических исследований.

Одним из определяющих факторов формирования современного тверского ГП являются социально-экономическая и демографическая ситуация в Тверском регионе в 50–60-е годы XX-го века. Востребованность людских ресурсов в городах в те годы была столь высока, что миграционные потоки из села перекрывали возможности естественного воспроизводства городского населения в несколько раз.

Так, например, в Тверской области в середине XX-го века (с 1926 по 1959 г.) численность городского населения увеличилась с 12% от общего количества до 44%, а в 1967 году до 53%, а доля сельского населения, наоборот, сократилась наполовину. За этот же период численность населения г. Твери (в те годы г. Калинина) выросла почти в два раза: 1926 год — 108,4 тыс. ч.; 1967 год — 318,4 тыс. ч.

Миграционная политика в те годы осуществлялась в области путем планового переселения сельских жителей в областной центр. В 50–70-е годы XX века начали активно застраивать окраины Твери, причем заселялись они с известной долей учета геоэкономического влияния областного центра на те или иные районы области. Имеются данные о том, что центральная часть тверского региона образует зону культурно-бытового тяготения к областному центру — Твери. Северная же часть области находится на периферии зоны культурно-бытового влияния Петербурга, а почти вся восточная часть области входит в Московскую межобластную систему расселения.

Таким образом, массовая миграция сельского населения в областной центр — это одно из условий формирования в речевой среде города современного городского просторечия. Процесс миграции того периода вызван двумя причинами. С одной стороны — реализация государственной политики по созданию крупных промышленных центров, а, с другой стороны, ориентация самого сельского населения на перемену места жительства из-за неравных условий жизни между городом и деревней.

Изучение социальных характеристик информантов, участвующих в исследовании, показало, что ведущим фактором, влияющим на сохранность в речи диалектных по происхождению фонетических элементов является такой параметр, как место рождения информанта. Нами доказано, что речь выходцев с территории севернорусских и части среднерусских говоров наиболее приближена к материнской диалектной основе. Кроме того, в этих районах вплоть до настоящего времени русский язык находится в тесном контакте с карельским языком, где редукция гласных полностью отсутствует.

Таким образом, устойчивость некоторых локальных фонетических элементов поддерживается еще и традицией межязыкового контактирования. Наиболее прогрессивную группу, продвинутую в сторону сближения с литературной 486

нормой, составляют информанты с территорий южнорусских говоров. Тверь находится в зоне геополитического влияния Москвы, а значит, всегда испытывала языковое давление «акающей» столицы.

Анализ некоторых фонетических процессов в тверском городском просторечии, представленный нами на предыдущем этапе исследования, позволил в какой-то степени приблизиться к пониманию специфики контактирования литературного языка и диалекта в условиях городской речевой среды, выявить определенные закономерности процесса трансформации системы говора под воздействием изменившейся языковой ситуации. Процесс этот оказался достаточно динамичным, т. к. по всем изученным признакам выявилась совершенно четкая тенденция к утрате региональных фонетических особенностей в речи носителей ГП. Этот процесс связан не только с объективными процессами, происходящими в системе самого ГП как феномена речевой культуры, но и с адаптационными возможностями говорящих на нем субъектов.

В содержании термина «адаптационные речевые возможности субъекта» мы выделяем два плана понимания: внутренний (это средства приспособления речевых навыков субъекта к изменившейся языковой ситуации) и внешний (это условия реализации речевых навыков говорящего субъекта в новых коммуникативных условиях). При этом к средствам приспособления речевых навыков субъекта (в нашем случае, носителя тверского городского просторечия) мы относим такие особенности языковой личности, как:

- 1) степень устойчивости диалектных фонетических особенностей в речи субъекта (до момента смены речевой ситуации и в настоящее время);
- 2) особенности речевой памяти (насколько хорошо субъект помнит фонетическую систему того говора, с территории распространения которого он переехал жить в город Тверь);
- 3) особенности речевого восприятия (как субъект воспринимает произносительные особенности окружающих и свои);
- 4) особенности речевого внимания (насколько внимательно субъект относится к своему речевому окружению);
- 5) особенности речевой компетенции (как говорящий субъект оценивает сам особенности своей речи и речи окружающих).

При оценке условий реализации речевых навыков говорящего субъекта в новых коммуникативных условиях мы учитываем следующие параметры: 1) территориальные особенности говора, являющегося для субъекта родным; 2) временной фактор проживания в городе; 3) социальный статус в новых условиях; 4) сфера интересов субъекта (кроме профессиональных); 5) коммуникативные потребности и предпочтения субъекта; 6) особенности окружающей речевой среды (в том числе круг постоянного общения); 7) социальные характеристики: возраст субъекта, образование, пол.

Можно с определенной долей уверенности сказать, что в условиях современной языковой ситуации выделяется несколько типов моделей речевого поведения носителей тверского городского просторечия (имеются в виду, в данном случае, только фонетические особенности речи). Каждой модели соответствует определенный этап, характеризующий процесс трансформации диалектной произносительной нормы в условиях городской речевой среды.

Кубанские говоры на рубеже веков: разнонаправленные векторы развития*

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Кубанский государственный университет
patriot30@mail.ru

Кубанский диалект, языковая основа говора, нивелирование говоров, устойчивость говоров, диалектоносители

Summary. O. G. Borisova, L. Y. Kostina. *Kuban Dialects at the ages boundary: differently directed development vectors.* This article touches upon the main factors which influence the leveling / safety of the Kuban dialect formed of two language bases: Ukrainian and Russian: patois (dialect) language base, the attitude of the speakers to their dialect, the heighten expressiveness. It is proved that the Kuban dialect on the South-Russian language basis is leveled more intensive and the dialect on the Ukrainian basis is rather stable.

На рубеже XX–XXI веков народные говоры претерпевают глобальные изменения. Развивая общие положения о нивелировке диалектных различий под влиянием литературного языка, диалектологи выявляют основные векторы этого процесса, обусловленные особенностями языковой ситуации в современном селе и спецификой изменений на разных уровнях диалектных систем. Вытеснение местных говоров литературным языком на территории Краснодарского края происходит с различной степенью интенсивности, что зависит в первую очередь от языковой основы говора. Кубанский диалект сложился из двух языковых стихий — украинской и южнорусской. Проведенные при поддержке грантов РГНФ (2007–2008 № 07-04–38405 а / Ю; 2009–2010 № 09-04–38401 а / Ю; 2009–2010 № 09-04–38402 а / Ю) исследования речи жителей, относящихся к традиционному слою (говоры с южнорусской языковой основой), показали устойчивость отдельных диалектных фонетических черт: произношение фрикативного [ʏ]; отвердение [r] перед гласными переднего ряда; замена начального [v] на [y], дающая дополнительный слог; произношение [y] слогового на месте предлога *в*; произношение [xv], [x] на месте [ф]; последовательное прогрессивное ассимилятивное смягчение [к]; произношение твердого [ш] на месте мягкого долгого [ш'];. В лексике очевидно преобладание фонетических вариантов слов литературного языка, отражающих живые фонетические процессы в говоре, функционирование диалектизм как отдельных элементов речи на фоне доминирования разговорных и просторечных лексем (на 500 знаменательных слов приходится 15–20 диалектизм). Что касается говоров с украинской языковой основой, то они проявляют большую устойчивость к воздействию русского литературного языка, особенно в фонетике и грамматике: оканье; веларизация согласных перед гласными переднего ряда; неоглушение парных согласных в слабой позиции; произношение [и] на месте этимологического ятя; мягкий [ц']; произношение долгих мягких переднеязычных согласных звуков, образовавшихся вследствие ассимиляции с [j] и др. К устойчивым грамматическим чертам относятся следующие: окончание *-амы* у существительных в творительном падеже множественного числа; замена глагольных суффиксов *-ыва-* (*-ива-*), *-ова-* (*-ева-*) суффиксом *-ува-*; окончания *-имо*, *-емо* у глаголов в первом лице множественного числа и др. На уровне лексики, как показывают расшифрованные тексты, на 500 слов приходится 30–40 диалектных. Отметим, что приведенные цифры получены в результате анализа текстов, записанных от информантов, относящихся к одинаковому социально-возрастному группам. Таким образом, большая близость кубанских говоров с южнорусской языковой основой к русскому литературному языку приводит к неизбежному нивелированию говора, его эволюции в полудиалект, представляющий собой переходную ступень от диалектной речи к литературно-разговорной. Напротив, сохранность самобытных фонетических, грамматических и лексических особенностей, имеющих украинские корни, сдерживает процесс размывания говоров с украинской языковой основой. Изучение реальной языковой жизни показало, что в Краснодарском крае действует своеобразная языковая мода, суть которой состоит в умении местных жителей переходить с диалектной речи на разговорную и обратно в зависимости от модуса коммуникации (явление, характерное для многих диалектных сообществ, получило название коммуникативной мимикрии). Такое языковое поведение имеет положительный имидж и оценивается как близкое к стандарту. На Кубани это относится к жителям населенных

ленных пунктов, где изначально складывался говор с украинской языковой основой, поскольку о переключении кода, на наш взгляд, правомерно говорить лишь тогда, когда между диалектом и литературным языком обнаруживается осязаемое различие, чего не наблюдается в случае с местными говорами, имеющими южнорусскую языковую основу, близость которой к русскому литературному языку очевидна.

Степень сохранности диалекта находится в прямой зависимости и от отношения к нему диалектоносителей. Кубанские казаки, для которых характерно высокое этническое самосознание, всегда воспринимали себя как особую общность людей — кубанское казачество. Для большинства из них диалект, часто называемый здесь «кубанским языком», представляет собой базовую ценность, а владение им является не только естественным, но и престижным, доказывает принадлежность к данному языковому сообществу. В целом позитивное отношение носителей говора с украинской языковой основой к своей речи сдерживает процесс нивелирования диалекта, хотя широко распространены на Кубани глагол *балáкать* '1) говорить; 2) говорить на местном языке' во втором (собственно кубанском) значении обнаруживает двойственную эмоциональную тональность. Как правило, пренебрежительный оттенок лексема имеет в станицах, где складывались говоры с южнорусской языковой основой. В ст-це Архангельской записано высказывание информанта: *Мы вот ни балáкайм, мы разгавáривайм, а вот вы ф Хапёрку пайи.жжáйтй, в Атрáдную, так там вот балáкають.* Местный диалект и у жителей черноморских станиц также может ассоциироваться с неграмотной, некультурной речью: *Нет, дэвачки, я ни балáкаю, я ф тэхникуми учйáсь* (ст-ца Курчанская). Однако в большей части носители говоров относятся к местному диалекту уважительно. Более того, литературный язык многие из них, особенно люди старшего поколения, воспринимают как язык искусственный, во многом манерный и претенциозный. На Кубани бытует глагол *итóкать* и образованное от него существительное *итóкалка*, высмеивающие правильную, литературную речь: *Прыййáхала итóкалка з гóроду, хóдэ тай итóкае* (ст-ца Азовская). Для кубанского диалекта характерна оппозиция *балáкать* (украинская языковая основа), *говóрйть* (южнорусская языковая основа) 'говорить на местном языке' / *разгавáривать* 'говорить на русском литературном языке': *Ф пóизди ёдиш, нас сáзу узнаюйт, шо с Кубáни. Пра нас кáк гаваряйт: «Вы гаваряйтй, а ни разгавáриваитй»* (ст-ца Архангельская); *В нас дйты тóжэ усй разгавáривають, а я балáкаю, я нэ могу' вжэ подругóму* (ст-ца Киевская). Явное предпочтение литературному языку отдают носители говоров с южнорусской языковой основой.

Сохранности говора способствует и наличие у него повышенной экспрессивности. Кубанская *балáчка*, которой в крае называют речь жителей станиц, где исторически складывались говоры с украинской языковой основой, обладает очевидным энергетическим зарядом. Особенно «заразительной» является местная фонетика: носители литературного языка, оказавшиеся в диалектном окружении, уже через достаточно короткий отрезок времени начинают перенимать многие фонетические черты, интонирование, мелодию речи. Даже предварительный анализ собранных данных показывает, что речь носителей говоров с украинской языковой основой более образна, благодаря характерному и регулярному для многих диалектоносителей использованию диалектных фразеологизмов, устойчивых сравнений, пословиц, поговорок, формул этикета, шуточных тостов.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 09-04–38401 а / Ю.

Анализ современной языковой ситуации в Краснодарском крае позволяет обозначить два разнонаправленных вектора развития кубанского диалекта: более интенсивное нивели-

рование кубанских говоров с южнорусской языковой основой и относительную устойчивость говоров с украинской языковой основой.

Лексические изоглоссы и их место при изучении формирования русских говоров

И. А. Букринская
О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

okarmakova@list.ru

Лексическая изоглосса, лингвогеография, русские говоры

Summary. *Lexical isoglosses and their significance for historical study of Russian dialects.* This work is based on the materials of Diac-
lectological atlas of Russian language. The archaic lexemes in the Russian dialects of the central zone are studied.

Проблема классификации говоров является важной и всегда актуальной для диалектологии. В зависимости от объекта рассмотрения и избранных методов изучения могут быть получены различные классификации одного и того же лингвистического пространства. При этом допустимо учитывать не все уровни языка. Так, в Опыте 1914 г. анализируются данные исключительно фонетического уровня, а «Диалектное членение», разработанное К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой на материалах Диалектологического атласа русского языка, опирается на все уровни языка, однако лексические изоглоссы играют второстепенную роль, являясь вспомогательными.

Диагностические возможности лексики при определении генезиса того или иного диалектного образования по-разному оцениваются лингвистами. Некоторые исследователи считают этот уровень языка наиболее подвижным и изменчивым. Но существует и иная точка зрения: А. Ф. Журавлев, ссылаясь на известных лингвистов (В. Манчак, В. Порциг, П. Ивич, О. Н. Трубочев, Г. А. Климов и др.) и на основе собственных наблюдений, делает вывод «о высокой степени устойчивости лексики на фоне других языковых уровней» [2: 28]. О важности архаической лексики для исторической интерпретации диалектных данных неоднократно писала О. Н. Мораховская. Нам также представляется очевидным «весомость» лексических изоглосс при членении диалектного континуума как в синхронии, так и в диахронии.

Опираясь на карты Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), можно говорить о том, что лексический ландшафт достаточно отличается от фонетического и морфологического, потому что лексические ареалы обладают своей собственной спецификой: дробностью, мозаичностью, часто имеют островной характер. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: является ли пестрота русского лексического пространства результатом поздних изменений, происходивших в языке, миграций населения, или же она — отражение древней диалектной неоднородности.

Сплошной анализ лексического выпуска ДАРЯ позволяет выделить на основе пучков лексических изоглосс несколько значимых ареалов. Сопоставление их с изоглоссами других языковых уровней помогает диахроническим исследованиям и исторической интерпретации лексических фактов. Попытка членения не только русского, но всего восточнославянского пространства на основе архаической лексики была предпринята в [1]. Расширение исследуемого материала способствует уточнению полученных ранее результатов.

Наибольший интерес для интерпретации представляют собой такие территории, куда мигрировали в разное время различные восточнославянские племена и где вследствие этого происходило взаимодействие языков и культур. К подобного рода землям относится, например, Волго-Клязьминское междуречье, Рязанский край, всевозможные пограничные зоны.

О происхождении говоров Волго-Клязьминского междуречья (говоров центра), которые являются наследниками Ростово-Суздальского диалекта, писали Р. И. Аванесов, Б. М. Ляпунов, Ф. П. Филин, К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев, С. Л. Николаев, В. В. Седов. Учеными было высказано предположение о том, что говоры Ростово-Суздальской земли были заселены особым восточнославянским племенем, чье название не сохранилось. В них отмечается большое число акцентологических архаизмов праславянского периода

да, что может свидетельствовать о раннем обособлении этих славян. Данные говоры характеризуются также целым рядом архаических лексических изоглосс. При этом изучение их своеобразия вызывает определенные трудности, так как названные говоры легли в основу русского литературного языка, и следовательно, их черты получили широкое распространение. Позднее, в период московской колонизации, переселенцы из этого региона устремились на обширные территории нового заселения. Особенности расселения сказались, естественно, и на языке: одни лексические изоглоссы имеют ареалы лишь в междуречье Волги и Клязьмы (например, *молотило* 'бьющая часть цепа', *усад* 'место, где расположен дом с хозяйственными постройками'), другие же охватывают большую территорию (например, *радуга-дуза* и другие композиты от этих корней, *теребить* 'убирать лен с поля', *западня* 'ход в подполье'). Однако описание языкового своеобразия данного региона осложняется еще и тем, что он издавна, как уже говорилось, являлся этнически неоднородным: здесь проходил так называемый "кривичский пояс", обнаружены археологические памятники вятичей и словен. Изоглоссы архаических лексических явлений могут иметь диагностический характер для определения происхождения того или иного говора. Так, с племенным языком кривичей связаны отмеченные на этой же территории лексемы *оденье* 'большая укладка снопов', *цепец*, *цепник* 'бьющая часть цепа', *стой* — (*стойка*, *стойнка*) 'малая укладка снопов зерновых культур' и др., такой вывод возможно сделать на основе сопоставления различных лексических изоглосс.

Лингвогеографический анализ говоров белорусско-русского пограничья — Невельского района со стороны России и Городокского района Белоруссии — демонстрирует континуальность лингвистического пространства, несоответствие лингвистических и государственных границ. Эти пограничные говоры обладают целым комплексом общезападных черт, которые объединяют псковские, смоленские, частично брянские, витебские и могилевские говоры. При этом в них отмечается уникальный набор, с одной стороны, северо-западных (псковских), а с другой — юго-западных (смоленских) лексических признаков. В то же время они характеризуются и наличием свойственным только им лексических изоглосс: *чепельник* 'название сковородника', *жбанок* 'глиняная посуда для молока', *бич* 'название орудия для ручной молотыбы', *прайник* 'орудие для выколачивания белья'. Сравнение лексического материала с фонетическим и морфологическим показывает, что первоначально данный диалект скорее всего относился к южнопсковскому ареалу, а черты, связывающие его со смоленскими говорами, появились позднее. Это подтверждается и сохранением у старшего поколения языковых явлений, характерных для псковских говоров.

Литература

1. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // XII Международный съезд славистов. М., 1998.
2. Журавлев А. Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
3. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Русские диалекты в общеславянском контексте

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН (Москва)

ryhov2007@yandex.ru

Русские диалекты, межславянские лексические связи

Возможность исследования своеобразия русских диалектов на всем пространстве terra Slavia появилась после публикации шестого тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», единственного пока выпуска лексико-словообразовательной серии, в котором содержится материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, отсутствовавшие долгое время по экстралингвистическим причинам на его картах.

Картина русских диалектов в общеславянском контексте представляет собой масштабное и довольно сложное полотно межславянских лексических соответствий с неоднократно менявшимися в их истории связями и отношениями. В ней отчетливо просматриваются следующие характеризующие русские диалекты особенности:

1) **яркая самобытность русских говоров**: именно в русских диалектах представлено больше всего эксклюзивных лексем (число их во много раз превышает эксклюзивы любого другого славянского языка), иллюстрирующих своеобразие языкового сознания диалектоносителей (что, соответственно, проявляется в **своеобразии мотивационных признаков**);

2) практическое **отсутствие описательных названий или заимствований** в семантической группе имен, связанных с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи, в то время как в других славянских диалектах это явление далеко не редкость;

3) лексическая стабильность: **благодаря русским диалектам во многом поддерживается восточнославянское лексическое единство**, ибо в них до сих пор сохраняются и имеют обширные ареалы многие эксклюзивные лексемы, выделяющие восточнославянские диалекты на всем пространстве Славии, тогда как в белорусских и особенно в украинских диалектах наблюдается разрушение этого восточнославянского единства;

4) **сложная картина их ареальных связей**, которую можно представить в виде своеобразного «многослойного пирога», каждый слой которого сформировался в определенный период.

Карты Атласа говорят о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости: одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), а другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления, или пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков).

Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений русских диалектов с другими славянскими диалектами. Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания уровней языка.

В картине территориального распределения ареальных связей русских диалектов отчетливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума**. В формировании этих лексических связей чрезвычайно важную роль сыграли украинские и белорусские диалекты, которые во многом поддерживали эти связи, выполняя функцию своеобразного «моста» между русскими и остальными славянскими диалектами. Благодаря их поддержке сло-

жилось большинство ареальных связей русских диалектов. Не случайно среди этих связей не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и / или южнославянской группы.

Связи этого плана свидетельствуют о том, что русские диалекты больше тяготеют к западнославянским диалектам (особенно к польским), нежели к южнославянским. Среди южнославянских связей выделяются связи со словенскими, хорватскими и сербскими диалектами, т.е. с диалектами юго-западной группы южнославянских языков.

Связи второго плана — это собственно русские ареальные связи (сепаратные и эксклюзивные). Они играют не менее важную роль в общей картине языковых отношений. В этих связях южнославянское направление является ведущим.

Связи третьего плана — это связи внутри восточнославянского диалектного континуума. Здесь, с одной стороны, выделяются русско-украинско-белорусские связи, отчетливо характеризующие восточнославянские диалекты на всем пространстве terra Slavia. В этих связях ведущими являются, как правило, русские диалекты, под влиянием которых образовались небольшие ареалы в пограничных украинских и белорусских говорах (выделить здесь какой-либо один вектор связей довольно сложно, так как русско-белорусские и русско-украинские связи находятся практически в отношении паритета). С другой стороны, здесь выделяются изоглоссы, объединяющие восточнославянские диалекты попарно, т.е. русско-белорусские и русско-украинские (преобладающим среди них является русско-белорусский вектор). В этих связях в роли языка-донора могут выступать не только русские, но и украинские и белорусские диалекты.

Эта многоплановая картина русско-славянских языковых отношений еще больше усложняется, если принять во внимание ареальный критерий, так как пространственная характеристика ареала не только многое проясняет в природе выявленных схождений, но и позволяет стратифицировать их в хронологическом аспекте.

С учетом этого критерия статус выявленных межязыковых соответствий и в рамках восточнославянского диалектного континуума, и в рамках собственно русских диалектов оказывается разным.

Наибольшей диагностирующей силой обладают те соответствия, ареалы которых являются дистантными: в рамках восточнославянских языков — это прежде всего восточно-южнославянские связи, иногда осложненные западнославянскими изоглоссами, а также восточно-западнославянские связи, имеющие выход в некоторые южнославянские языки; в рамках русского языка — это русско-(украинско-) или русско-(белорусско-)южнославянские связи, а также русско-южнославянские связи. Многие из них являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия нередко являют собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

В ареальных «предпочтениях» русских диалектов в этих связях наблюдается ярко выраженное тяготение к южнославянским языкам. Все эти связи ориентированы в основном на юго-запад южной Славии, а именно на словенские, сербские и хорватские диалекты, связи с болгарскими и македонскими диалектами представлены менее выразительно, хотя именно в болгарских диалектах русско-болгарские соответствия представлены часто обширными ареалами.

Этим связям значительно уступают русско-западнославянские соответствия, которые ориентированы не только на польский, но и на словацкий язык.

Межязыковые схождения, имеющие контактные ареалы, в общей картине ареальных связей русских диалектов обладают меньшим классификационным весом. В рамках восточнославянских языков — это прежде всего

русско-(украинско-белорусско-)западославянские изоглоссы, а в рамках русского языка — это русско-(украинско-) и русско-(белорусско-)западославянские связи, а также русско-западославянские, русско-украинские и русско-белорусские связи.

Обширный ареал этих лексических корреспонденций, целостность общей ареальной картины на значительной части территории свидетельствует о том, что эти межславянские лексические параллели сформировались, по-видимому, значительно позднее, что говорит о существовании в позднеруславянском восточно-западославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в общей картине лексических связей русских диалектов отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в южнославянских диалектах, тогда как в западославянских диалектах подобная ситуация наблюдается, и при этом довольно часто. Показательно также, что многие из корреспондирующих восточно-западославянских лексем представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху.

В этих связях роль русско-западославянских лексических соответствий значительно возрастает. Все изоглоссы имеют ярко выраженную ориентацию на польские диалекты, связи с которыми в два, а иногда и в три раза превышают соответствия с другими западославянскими языками. Более того, именно в польских диалектах находятся чаще всего обширные ареалы корреспондирующих лексем.

В русско-украинских и русско-белорусских изоглоссах доминирующим является белорусский вектор.

Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о том, что изоглоссы межславянских лексических соответствий процедируются в разновременные плоскости. В общей картине ареальных связей русских диалектов отчетливо просматри-

ваются два хронологических среза — древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства (для этого периода характерна ориентация русско-славянских языковых связей на юго-запад terra Slavica), и более поздний, связанный с процессами, основанными на общности предшествующей эпохи, но протекавшими в разных частях Славии самостоятельно и приведшими к их последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков (для этого периода характерно преобладание западного направления лексических изоглоссов русских диалектов).

О том, что эти связи имеют разную хронологическую отнесенность, убедительно свидетельствует тот факт, что русско-славянские изоглоссы, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и изоглоссы, являющиеся принадлежностью собственно русских диалектов (т.е. сепаратные и эксклюзивные), во всех славянских диалектах обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, локализацию русско-(украинско-белорусско-)словацких лексических изоглоссов, для которых ведущим является южнорусский вектор, и распространение сепаратных и эксклюзивных русско-словацких соответствий, которые локализуются чаще всего в севернорусских говорах).

Такая сложная картина ареальных связей русских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения, а также с современными взглядами на праславянский язык как на систему **развивающуюся** и диалектно дифференцированную. Поэтому при характеристике межславянских связей необходимо принимать во внимание фактор их постепенного изменения во времени и в пространстве и допускать для разных эпох не только расширение или сужение их ареалов, но и изменение их локализации и конфигурации. А это значит, что степень родства даже между близкородственными языками является величиной переменной, способной менять свое значение в разные хронологические периоды. И лишь строгое соотнесение данных лингвистики с данными ареалогии позволит ответить на вопросы, которые неизменно волнуют исследователей: *Что? Когда? Куда? Откуда?*

О некоторых словообразовательных процессах в смоленских говорах и польском языке

С. А. Галант

Смоленский государственный университет

galantes@wp.pl

Смоленские говоры, польский язык, словообразование

Summary. The paper addresses specific word-formation processes in smolensk dialect of russian and polish languages.

1. Сравнительно-сопоставительный подход к фактам славянского словообразования, методика параллельного изучения и прием языкового и признакового сопоставления помогают исследовать явления, общие для многих славянских языков, и явления, свойственные тому или иному из них. Наше внимание привлекли представители восточнославянской и западославянской ветви — русский и польский языки. Особое место в этом отношении занимают смоленские говоры: географическое положение, история Смоленской земли, культура соседних народов — все это создало предпосылки для взаимодействия и взаимовлияния смоленских говоров и польского языка.

2. В докладе излагаются некоторые наблюдения, полученные нами в ходе исследования материалов, зафиксированных в Словаре смоленских говоров, и польской лексики, извлеченной из Słownika języka polskiego под ред. М. Шимчака.

3. Исследуя материал, мы обнаружили несколько типов соотношения словообразовательной структуры польских и смоленских слов. Первая группа включает в себя слова, характеризующиеся одинаковым фонетическим оформлением. Такое соотношение встречается в пределах каждой части речи. Вторая группа — это диалектные и польские слова, имеющие одинаковые словообразующие аффиксы в рамках одной части речи. Третья группа — это слова, словообразовательная структура которых имеет одинаково выра-

женную мотивирующую основу и разные словообразующие аффиксы.

4. Как в русском, так и в польском языках образование слов может происходить в сопровождении определенных морфонологических явлений. В производном слове на границе мотивирующей основы и словообразовательных аффиксов может происходить в основном четыре вида взаимоприспособления этих двух соединяющихся частей.

5. Исследуемый материал позволяет провести наблюдения и над словообразовательными типами. Под словообразовательным типом понимается структурно-семантическая схема построения мотивированных слов, которые характеризуются общностью части речи мотивирующих основ и аффикса. Каждый тип может включать в себя несколько моделей, которые определяются семантикой мотивированного слова. В докладе рассматриваются группы имен существительных, обозначающих названия инструментов и имен существительных, обозначающих место или пространство.

Литература

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 182.
2. Тихонов А. Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). М., 2002. С. 112.
3. Maryniakowa I. Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska. Morfologia ze słotwórstwem. Warszawa, 1993.

Старославянские формы в лексике русского островного говора Азербайджана

Э. А. Гейдарова

Бакинский государственный университет (Азербайджан)

sert739@rambler.ru

Summary. *The Old Slavonic forms in the lexicon of the Russian dialect of Azerbaijan.* In the paper it is considered the Russian dialect of Azerbaijan. Is the dialect language of the Russian settlers in Azerbaijan who came in the first third of the XIX century. The study of this dialect began in the fifties of the XX century, but all collected material was systematized and presented as a glossary only in 2005. It made it possible to study this dialect from the historical point of view. In the process of research were revealed about 60 Old Slavonic forms in the lexicon of the Russian dialect of Azerbaijan.

«Диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Их исчезновение не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются. Кроме действующих, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния» [1: 16].

В 2005 г. в Баку был опубликован «Словарь русского островного говора Азербайджана». Он составлен по материалам картотеки, собранной во время диалектологических экспедиций в русские села Азербайджана начиная с 50-х годов XX века.

Лексика, записанная в русских селах Азербайджана, в своей основе является южновеликорусской. Следует отметить, что в отдельных районах республики носители говора активно используют в своей речи заимствованные у украинских поселенцев бытовые названия.

Русский островной говор Азербайджана относится к числу нивелирующихся. Это естественно, поскольку он оторван от метрополии и с самого начала находится в иноязычном окружении. В то же время есть вероятность сохранения в говоре отдельных языковых форм, уже утраченных в основном русском диалектном массиве.

Как известно, причиной многих диалектных различий являются заимствования из других языков. Одними из ранних были заимствования из старославянского языка. В русский язык вошло так много старославянизмов, и употреблялись они настолько часто, что некоторые из них, утратив свой книжный оттенок, проникли в разговорный язык. Именно поэтому определенным интерес представляет исследование лексики русского островного говора Азербайджана с целью выявления фонетических и морфологических особенностей, являющихся наследием старославянского языка. Необходимо отметить, что в вышеуказанном аспекте данный говор никем не рассматривался.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие старославянские формы.

Фонетические:

благо — ‘добро’; *благой* — ‘добрый’; *блажной* — ‘глупый’; *младёжь* — ‘молодежь’; *младость* — ‘молодость’; *кладно* — 1) ‘медленно, пассивно’, 2) ‘равнодушно, безразлично’; *кладный* — ‘холодный’;

враг — 1) ‘противник, недруг’, 2) ‘черт, дьявол’; *вражина* — ‘враг’; *врата* — ‘калитка’; *израсти* — ‘вырасти’; *обратно* (ср. *оборот*) — ‘вечер’; *ограда* — ‘изгородь на кладбище’; *сравняться* — ‘исполниться’;

вредный — 1) ‘злой’, 2) ‘крепкий’, 3) ‘неприятный, противный’; *времянка* — ‘отдельная от дома комната’;

одежда — ‘стеганая ватная куртка, в основном мужская’;

рожденец — ‘уроженец’;

юноша — ‘мальчик от трех до семи лет’.

Морфологические:

чрезвычайно — ‘хорошо, отлично’;

возлюбить — ‘полюбить’; *возрастать* — ‘расти’;

научитель — ‘зачинщик, вдохновитель, вождь’; *скупатель* — ‘покупатель’;

жизня — ‘жизнь’;

свахня — ‘сваха’ (после изменения [кы], [гы], [хы] в [к’и], [г’и], [х’и] в русском языке заднеязычные согласные употребляются с *и* в пределах одного слова, что привело в свою очередь к преобразованию суффикса *-ыня* → *-иня*); *снохиня* — ‘сноха’;

качество — ‘недостаток’; *крестьянство* — ‘сельское хозяйство’; *лекарство* — ‘лекарство’, *мальство* — ‘детство’; *покорство* — ‘покорность’; *сродство* — ‘родня’; *хлебосейство* — ‘хлебопашество’; *царство* — ‘царствующие’;

башковитость — ‘разум’; *договорность* — в выражении:

делать договорность — ‘договариваться’; *домашинство* — 1) ‘предмет домашнего одихода, утварь’, 2) ‘домашнее хозяйство’; *знакомость* — ‘знакомство’; *жарость* — ‘жара’;

живность — ‘жизнь’; *младость* — ‘молодость’; *нахальность* — ‘нахальство’; *обширность* — ‘территория’; *святость* — ‘святыня’; *тайность* — ‘тайна’;

вернеющий — ‘очень верный’; *видюющий* — ‘зрячий’; *добреющий* — ‘очень добрый’; *злеющий* — ‘очень злой’; *надеющий* — ‘надёжный’; *сильнеющий* — ‘очень сильный’; *текущий* — ‘прошлый’;

завалиющий — ‘ненужный, негодный’; *лядащий* — ‘слабый, больной, бессильный’ (ср. глагол *лядеть* — ‘худеть, тошкать’); *негодящий* — 1) ‘плохой, ветхий’; 2) ‘недозволенный’; 3) ‘неприспособленный’; 4) ‘неприличный’; 5) ‘неподходящий, несоответственный’; 6) ‘не имеющий должной квалификации, необходимых знаний’; 7) ‘неспособный к выполнению каких-либо обязанностей по возрасту или здоровью’.

Всего в русском островном говоре Азербайджана зафиксировано около 60 старославянских форм.

Литература

1. Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Неопределенные местоимения и наречия

как одно из средств выражения неопределенности в трех русских говорах

Н. Л. Голубева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

nlgolub@mail.ru, sergolub@mail.ru

Средства выражения категории определенности — неопределенности (1), неопределенные местоимения и наречия (2), частицы ли и -сь (3), говор (4), зона языкового контакта (5).

Summary. There are different indefinite pronouns used in three Russian dialects (north — vologotskiy, south-west — bryanski and south-east — tambovsky). Indefinite pronouns of south-east dialects are the same as that of Russian literature language. Indefinite pronouns of south-west dialects are used with particles «-s» as in Polish language (dialect have contacted with them in different ages). In the north dialect combinations with particles «li»: «li kto li», «li gde li» and the same others — are used as indefinite pronouns.

1. В русском литературном языке и его говорах нет артикля, при этом значения категории определенности — неопределенности выражаются иными средствами, как и в других безартиклевых языковых системах. Сопоставительные описания артиклевых и безартиклевых языков показывают следующую картину в безартиклевых языках: 1) для выражения артиклевых значений употребляются в первую

очередь указательные и неопределенные местоимения и наречия; 2) кроме того, разные значения категории определенности — неопределенности выражаются другими средствами [1: 14].

2. К средствам выражения неопределенности в русском литературном языке относятся неопределенные местоимения и наречия, безличные и неопределенно-личные высказывания

звания и др. [1]; кроме того, разделительные союзы, модальные слова со значением неуверенности, условные союзы (не в «сопоставительном» значении), конструкции, выражающие неопределенное количество [4]. С точки зрения средств выражения неопределенности был рассмотрен материал трех контрастных русских говоров: северо-восточного — вологодского (СГ), юго-восточного — тамбовского (ЮВГ) и юго-западного — брянского (ЮЗГ). **Общими чертами** для трех говоров являются следующие: 1) употребление относительных местоимений в значении неопределенных, например в ЮВГ: *Кто в церковь пайдут' / а кто тут стряпшит' / в печк' блинцы паякёт' // (кто — 'кто-то', 'некоторые')* — аналогичное явление наблюдается также и в РР; 2) употребление чаще всего **общерусских** модальных слов — *наверное, может, вроде*; диалектные же модальные слова и частицы со значением неуверенности в наших материалах отмечаются редко (*поди, нали* и др.); также общим и частотным для трех говоров (и РР) является употребление сочетания (*я*) *не знаю* при выражении неопределенности, неуверенности. Что касается **различий** трех говоров в плане средств выражения неопределенности, то они наблюдаются в наличии — отсутствии специфически диалектных неопределенных местоимений, а также в разной употребительности, частотности этих местоимений и других средств неопределенности.

3. В СГ обращает на себя внимание, с одной стороны, более высокая частотность неопределенно-личных высказываний и разделительных союзов (по сравнению с ЮВГ и ЮЗГ, с РР); диалектную специфику имеет в этом говоре выражение «приблизительного» количества: *Вон у нас три с половиной метра ли / вот так четыре //; Ну мы / за ёй / года чэтыре / ли пят' вот эдак / ухаживали все //; И тол'ко три с половиной / или чэтыре / вот эдак / метра / токо лиш //; Нибол'шаа ишишо / наверно / в первой клас / ходила / или вот эдак //; Это вот километров / наверно / можот / восем' / или так / я не знаю //; Ак это вот от Ватолова / ишишо туда в лес / не знаю три километра ли //; Наверно на двадцат' семом ли / на двадцат' ишэтом году жэзвився //*. С другой стороны, общерусские неопределенные местоимения и наречия в СГ менее разнообразны (зафиксировано меньше их разновидностей) и менее частотны по сравнению с ЮВГ, ЮЗГ, РР; при этом в СГ употребляются сочетания с частицей-союзом *ли (или)* типа: *ли как ли, или чё ли* и т. п., которые сочетают в себе две функции: употребляются одновременно и в роли цетеры (см. о данном термине [5]), и в значении неопределенного местоимения: *Ак не знаю / с бородам / ли как ли //* (= Не знаю, скажут ли в нашей деревне «с бородам» или же **как-то иначе**, употребят **какую-то другую** форму); *Видно пыли было много / ли чиво ли //* (= Видно, было много пыли или **какой-то другой** грязи, **чего-то еще**).

4. Особенностью средств выражения неопределенности в ЮВГ является их близость к средствам выражения неопределенности в РР; в частности, неопределенные местоимения и наречия этого говора аналогичны русским литературным, они частотны и достаточно разнообразны: *чего-то, некоторые, какой-нибудь, скол'ко-нибудь* и др.; *Я ня знай / как-то я так пръжыла / как-т' мяня Гаспот' спас //; И вот я абряжал' / кой на ком читала // Антоновка кой-где астал'с' //; Какой-т' кина плахий //; Ищ' чёй-т' был' //* (материал ЮВГ записан и обработан О. С. Онипенко).

5. Яркой чертой юго-западного, брянского говора являются неопределенные местоимения с частицей *-сь* (которая, по правилам фонетики говора, произносится «шепеляво» — *-с'*): *Кто-с' приехал на машине на белой // (кто-с' — 'кто-то')*; *Камушок який-с' у тебя ест' // (який-с' — 'какой-то')*; *куды-с' работат' (куды-с' — 'куда-то, куда-нибудь')*; *чым-с' работае (чым-с' — 'кем-то')* и т. п.

Юго-западный говор — это говор д. Староселье и др. деревень Почепского р-на Брянской обл. Историки и археологи свидетельствуют, что территория современного Почепского района на протяжении многих веков занимала пограничное положение (Г. П. Поляков) и в разные исторические эпохи ее население контактировало с другими этносами, а значит, испытывало влияние и со стороны этих этносов. По всей вероятности, наиболее существенными, значимыми для данного региона следует считать польское и украинское влияние (ср. факты, изложенные в [3: 70–73]). В лингвистике такие территории называются зонами **языкового контакта**.

Возможно, существование в почепском говоре неопределенных местоимений с частицей *-с'* связано с украинско-польскими контактами и с украинско-польским влиянием, однако это не предполагает обязательного заимствования, объяснение здесь может быть двойственным, ср.: «Важно подчеркнуть, что большинство специфических морфологических явлений в контактной зоне имеет двойственное толкование и может рассматриваться либо как результат межязыкового контакта, либо как реализация собственных потенций системы, поддержанных влиянием другого языка» [2: 67].

Литература

1. *Маштакова М. В.* Определенность — неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
2. *Останчук О. А.* Украинско-польские языковые контакты: уровни и способы манифестации // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.
3. *Поляков Г. П.* История Брянской земли (в последней трети XVI — 20-е годы XX в.). Брянск, 2007.
4. *Санников В. З.* Прагматика неопределенных утверждений // НТИ. Сер. 2. 1987. № 9.
5. Словарь структурных слов современного русского литературного языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.

К контактологической (в аспекте отношений с тюркскими языками Северо-Восточного Кавказа) интерпретации генезиса одного из ареалов русского цоканья

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

garun48@mail.ru

Контактологическая интерпретация, твердое цоканье, русские говоры Рязанской Мещеры, мишарский(мощары) диалект татарского языка, тюркские (говоры кумыков-бразуцев) языки Северо-Восточного Кавказа

Summary. The paper is devoted to ground on the possibility of the North-East Caucasus Turkish languages (kumyk bragun dialects) contact participation in formation of the hard tsokanje in the Russian subdialects of the district of Rjazanskaja Meshchora.

Цоканье считается одной из древнейших диалектных черт русского языка, возникновение которой объясняется некоторыми учеными влиянием польских говоров или финно-угорских языков. При этом лингвисты, возражающие против подобной его интерпретации, указывают на наличие данного явления, точнее, твердого цоканья, в рязанских мещерских говорах. Возникновение последнего невозможно объяснить, на их взгляд, влиянием со стороны Новгорода или каких-либо цокающих русских диалектов.

Твердое цоканье фиксируется не только на юго-востоке Рязанской (то есть в Мещере), но на северо-западе Псков-

ской области, а также к востоку от Москвы — на территории Московской, Владимирской, Ивановской и Нижегородской областей — и обычно объясняется за счет отвердения мягкой аффрикаты [ц']. Однако еще до этого Р. И. Аванесов, отметивший, что «цоканье является общей чертой всех говоров восточного Подмоскovie и северной части Рязанской области — территории так называемой Рязанской Мещеры», указывал на наличие в них «мещерской (финно-угорской?) подосновы (притом сравнительно позднего времени)». Причем обрусение большей части мещеры, которая традиционно считается древним финно-угорским племенем,

жившим в I тыс. н. э. по среднему течению р. Оки, относится к XVI в., а слияние другой ее части с казанскими татарами — к XV–XVI вв.

Однако при ближайшем рассмотрении твердое цоканье обнаруживается лишь в соседних вышеупомянутому ареалу йошкар-олинском и северо-западном диалектах марийского языка. Оно интерпретируется в них по-разному и считается либо развившимся из мягкого цоканья под влиянием чувашского языка, в котором в тот период была одна мягкая аффриката [čʲ], либо возникшим в результате языкового контакта с угро-финским племенем меря. Последнее, действительно, населяло современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую области, восточную часть Московской и западную часть Костромской.

Вместе с тем остается неясным источник твердого цоканья в пределах Рязанской Мещеры, ибо оно обнаруживается в ныне западном, или мишарском, диалекте татарского языка, носители которого, отделившись от «общетатарского», близкого и к крымско-татарскому языку ствола, обосновались в Поочье, в районе Мещеры в эпоху после Куликовской битвы (1380 г.) и распада Золотой Орды (конец XIV в.). Здесь они в XIV в., будучи известными под названием «можар», проживали в пределах, по всей видимости, Наровчатовского княжества, в бассейнах рр. Цна и Мокша, на востоке Рязанщины и, возможно, в восточных районах Мордовии (примерно Лямбирский район, где представлен другой цоканящий (без перехода в [ц]) мишарский говор [см. Ахатов 1980: 5]). Именно здесь, как полагают лингвисты, находились наиболее древние места обитания мишар. До конца XVI века большая часть мишарей переселилась в Среднее Поволжье, где в правобережных районах Чувашии и Татарстана представлены в настоящее время цоканящие мишарские говоры, из восточной части Рязанщины, где существовало в середине XV — около 1681 г. Касимовское ханство с первоначальной столицей в Мещерском городке. В его пределах уже в XV в. проживали «можары» (мишари), мордва и «бесермяне» (этнический компонент, связанный с булгарами). Примерно тогда же, после взятия Иваном Грозным Казани, другой цоканящий (сибирский) диалект отделился, по лингвистическим данным, от поволжского (собственно татарского) языка.

Все это указывает на достаточную, как минимум до 1380 г., древность присущего указанным диалектам цоканья.

Таким образом, соответствующий контакт и развитие в русских говорах Мещеры рассматриваемого явления могло иметь место не ранее и не позднее XIV–XVI вв., то есть в сравнительно позднее, как указывал Р. И. Аванесов, время, когда носители цоканящего мишарского диалекта переместились до конца XVI века к правобережью Волги.

При этом среди наиболее крупных феодальных кланов Касимовского ханства (ширины, барыны, аргыны, кыпчаки), представленных не только в Казанском, но, принципе, и Крымском ханстве (ширин, барын, аргын, мансур), род барын отождествляется с частью кумыков-брагунцев, ушедшей в конце XIV в. в Крым в связи с нашествием Тимура из области золотоордынского города Маджар(ы), находившегося в крайних западных пределах Северо-Восточного Кавказа. Его (города Маджар) название, аналогичное, прежде всего, одному из наименований мишарей, а также современному ойкониму Большие Можары в южной Рязанщине (в другой ее части — в так называемой Рязанской Мещере — Р. И. Аванесов отметил известность твердого цоканья), указывает на направление (с юга) движения сюда еще одной части кумыков-брагунцев как раз в конце XIV в., когда образуется Наровчатовское княжество. Затем имеет место дальнейшее их пребывание в Касимовском ханстве и последующее перемещение в конце XVI века в Среднее Поволжье.

Присущее именно этой части кумыков-брагунцев (будущих мишарей) цоканье является достаточно древним в тюркских языках и восходит, как минимум, к хазарскому времени, то есть к VII–X вв., и центром его иррадиации в данном случае является Северный Кавказ. Оно, с одной стороны, слухается на территории Кавказа, с другой — оказывается известным диалектам хазарского, турецкого, азербайджанского, карачаево-балкарского, киргизского, караимского и в отдельных случаях кумыкского (брагунский и кизлярский говоры терского диалекта) языков. Несмотря на то, что цоканье в тюркских языках (Северного) Кавказа представлено главным образом в карачаево-балкарских диалектах, большинство прочих отличительных черт мишарского диалекта обнаруживает гораздо большую близость к кумыкскому, чем к карачаево-балкарскому, языку, что и позволяет предполагать в конечном счете соответствующий северовосточнокавказско-тюркский генезис данного явления в русских говорах Рязанской Мещеры.

Ситуация повторяющегося действия и вид глагола в диалектной речи

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет

zakrev@yandex.ru

Повторяемость действия, вид глагола, контекст

Summary. Different means of the expression of the repeated action in the dialect language are considered (on of the materials of the Arkhangelsk dialects).

Как известно, в ситуации повторяющегося действия могут использоваться глагольные формы обоих видов. Однако если для форм несовершенного вида это типичный контекст, то для форм совершенного вида отмечаются определенные условия, а именно: употребление будущего совершенного в наглядно-примерном значении или сочетание с показателями кратности действия глаголов определенного типа при передаче суммарного значения [2: 608–609]. Кроме того, обращается внимание на разное содержание самого значения повторяемости для глаголов разных видов. Так, глаголы несовершенного вида передают кратность изолированных действий, а глаголы совершенного вида — «цепочку следующих друг за другом однородных (одинаковых) событий» [3: 203].

Наблюдения над употреблением глаголов разных видов в диалектной речи (на материале записей, сделанных автором в Архангельской области) показали как справедливость подобных утверждений, так и их отнюдь не абсолютный характер.

Кратность действия может передаваться глагольной основой. Речь идет о сохранивших активность в наших говорах многократных глаголах. Например: *Сёго делывала: кашывала, нашивала сено, мётывала, за мужька роботывала.* При наличии в контексте лексических показателей, указы-

вающих на точное количество действий, данные глагольные основы перестают быть маркированными по кратности: *Я рас только мывалась ф той байны.* Значение повторяемости может сохраняться и в приставочных глаголах несовершенного вида: *Назём рознашивам носилками.*

И в литературном языке, и в говорах повторяемость характерна для глаголов так называемого многоактного способа действия (типа *мигать, кивать*): *С палкой хожу, меня кинат.* Значение многоактности сохраняется и у глаголов совершенного вида с некоторыми приставками: *Ночью, если рука не под окуткой, она меня поцапает* (кошка). Глаголы одноактного действия типа *мигнуть, стукнуть* могут употребляться в ситуации повторяющегося действия при сочетании с показателями кратности.

Семантика кратности «заложена» в моторно-кратных глаголах движения (*бегать, ходить*): *Она ночью бродила, побредёт.* В данном примере обращает на себя внимание сочетание двух глаголов разных видов и разного типа движения — нелинейного и линейного. Глаголы линейные обычно не передают значение кратности. В говорах же не редки случаи употребления подобных глаголов в ситуации повторяющегося действия: *Ф туалет на коленках сперва ползла, а потом побредёт.*

В подавляющем большинстве случаев кратность выражается средствами контекста — лексическими показателями, представленными обычно сочетанием числительного с существительным. Конечно, прежде всего, в этой ситуации выступает несовершенный вид: *Надь было три раза поить* (телят). Но и глаголы совершенного вида способны к передаче повторяющихся событий, причем это события изолированные, а не следующие цепочкой друг за другом. Приведем примеры: *Сто рас пала, сто рас. И так не один рас ногу пропорол вилами. На веранде не один рас попала* (в натянутую леску, загнулась). *Сто рас сказала — отключай телевизор. Звал, два раз заехал. Она бешичёту раз замуш вышла*. Ср. в языке СМИ: *Я прилетел два раза в Москву. Эта нянька мне уже три раза жизнь спасла. Он по полной программе использовал возникший вокруг проекта шум: и интерес к проекту поднял, и сам десятки раз попал на экраны ТВ и на страницы газет*. Исследователи литературного языка [1] подобные случаи рассматривают либо как

явления языковой аномалии, либо как свидетельство проявления аналитизма в грамматической системе. Последнее нам кажется более справедливым, так как складывается впечатление, что в диалектной (и вообще устной) речи семантика повторяемости не зависит от того, глагол какого вида употреблен в данной ситуации. Вид глагола как бы уходит на второй план, а более значимым становится аспектуальное окружение глагольной формы.

Литература

1. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 216–224.
2. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
3. Шатуновский И. Б. Повторяемость и вид // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 202–203.

Термины родства и животный мир (по материалам архангельских говоров)

И. Б. Качинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kacza@rambler.ru

Термины родства, животный мир, архангельские говоры

Summary. In the report carrying over terms of relationship on fauna as one of the aspect of a theme “Terms of relationship and a language picture of the world is considered. On materials of the Arkhangelsk dialects”.

Термины родства экстраполируются на животный мир. Это касается метафорического переноса терминов с членов человеческой семьи на «семью» животных и проявляется в наименованиях самца и самки (*батюшка, матушка*), самки и ее детенышей (*матка, сын, дочка*), в обращении хозяина к своим домашними животным (*батушка, матушка, дочка*), в кличках животных (*Матушка*). Появляется и вторичная метафоризация: когда термин родства активно используется в обращении к неродственникам (и в их номинации) и уже отсюда переносится на животных, например: *дядька* = ‘родной брат отца или матери’ > ‘мужчина неродственник’ > ‘высокий, крупный мужчина’ > ‘медведь’; *братан* = ‘двоюродный, троюродный, родной брат’ > ‘человек мужского пола неродственник, близкий по возрасту говорящему (мужчина, молодой человек, мальчик)’ > ‘молодой самец семги’.

Самец и самка = ‘муж и жена’, ‘мать и отец’:

Самка та матка, а самок Васька. У копалы цюхарь батюшко, лесны птици.

Самка животного, женская особь — *баба*, хотя номинация может осуществляться не по половой принадлежности, а чисто грамматически:

Мышы-ти — хитры бабы, знают, где котанко их не достанет.

Здесь наблюдается противопоставление грамматического женского рода (*мышь*) мужскому (*кот, котанко*). Ср. с этим также:

Жэнихи-ти — хариусы. Хариус — это мушчина, жэнихи, а шчока — это ужэ жэзское имя, дак невесты.

Наиболее частотные значения для женской особи животного — ‘самка, имеющая детенышей’:

О кошке: *Снацяла матка потерялась, потом сын потерялся.*

О корове: *Век телята были, приважывала, веть под мамой живут.*

О кобыле: *Первый гот ис-под маточьки — жэребёночек, фторой год — двоелеточек.*

О козе: *Не пускайет мати козочьку, пинает, не даёт.*

Об овце: *Где жэ наши балюшки, у нас мати-то белоголова, приметна балюшка.*

О медведице: *Охотник матерь их убил, а медвежат в горот увезли.*

О тюлене: *Маленьки воропаенки (тюлени) сидят у маме на хвосту.*

Самец, от которого произведено потомство, — *батюшка, татя*:

О кошках: *Можэд, батюшка ейный от той породы.*

О жеребце: *Не имя йему татя, а тожо вот татей зовут, жэребяточьки-те маленьки-то — фсе ево.*

Молодая самка, детеныш животного, — *дочь, дочка*, молодой самец — *сын*:

Об овцах: *Вот цёрна балюшка тожэ моя, доци ей. Балюшка идёт з дочерью.*

О щенке: *Сынок-од доброхот пришол. Сынок-доброхот.*

В заговорах, предназначенных для того, чтобы молодая корова-первотелок позволила себя доить, не лягалась, часто упоминается два предыдущих поколения — ее *мать* и *бабушка*. Молодой корове предлагается вести себя так же спокойно, как вели себя ее «предки». В лексеме *матушка* могут совмещаться обращение к первотелку и номинация старой самки, родившей в свое время эту корову:

Как бабушка стояла, как матушка стояла, стой, подрушка, стой, матушка.

В этикетном пожелании при доении — пожелании, чтобы корова давала как можно больше молока, — корова также называется *матушкой*:

Морешко под матушко! — Спасибо.

Термины родства используются в кличках домашних животных:

Кличка коровы: *Тёлка родилась — и Матушкой назвали.*

Кличка курицы: *У нас веть курам фсем названья: Матушка есь, Пеструнья.*

Матушкой, кормилицей будет хозяйка, которая оказывается функциональной «матерью» животным, которых она кормит. Животное при этом будет *дочерью*:

О собаке: *Ну-ко, дочка, не ползай! Доцерька, подём.*

Использование в отношении к животным обращений *матушка, батюшко* может иметь и иную природу — не только метафорический перенос отношений в человеческой семье на животных или «включение» конкретных животных в человеческую «семью», а глобальное включение мира в рамки человеческой семьи, которое, по пути, затрагивает и животных. Оно может касаться любой сферы общения человека: с людьми (родственниками и неродственниками), растениями, предметами, абстрактными понятиями. И тогда появляются *печка-матушка, ель-матушка, земля-матушка, зима-матушка, страна-матушка, матушка-саламандрушка* (персонаж заговора), *кот-батушка, волкушко-батушко* и многое другое.

Традиция ласкового, уважительного величания животного *батушкой* и *матушкой* характерна для фольклора и для повседневной жизни:

О козе: *Ой, лико, козочька-матушка, пила и йела.*

В обращении к поросёнку: *Иди, батюшко, иди, голубушка.* Метафорический перенос может быть мотивирован. Так, крот — *дедушко, дедушко* земельной:

Дедушко в земле ходит. Земельных крыс ловит, дедушкоф.

Возможно, основой метафоры здесь послужила внешность крота: его «сгорбленность», слепота. Речная рыба бычок-подкаменщик — *дедыш*. Это несъедобная рыба с большой головой — с «бородой», «как у деда»:

А дедышы есь у нас рыбы, кыскам только, их не едят, поткамешники да пот колодой. Дедыш, они не ростуд большы, голова больша, как у деда борода.

Самцы семги в раннем возрасте — *братаны*:

Которы заходят, которы килограма полтора, их называю братаны — почему они так называют?

Молодых самцов семги еще называют *пионерами*:

Мушского-то роду сёмгу-то называют пионер, скажут: пионера видела. Пионер — это маленька рыпка, малёк называют, пионером-то нигде не пишут, што пионер.

Мотивация может быть неочевидной или вовсе отсутствовать. Насекомое бабочка — *баба, бабка, бабочка, бабушка*. Моль — *бабка, бабушка*:

Банка, бабушка летает, едят одежду-то. Банка летает, я пыхаю, травлю их.

Моль будет называться также *дедушко-ботамушко*:

Моль, а ешо дедушко-ботамушко. Вод дедушко-ботамушко летает.

Насекомое сороконожка — *дедушко-братанушко*:

Дедушко-братанушко, как цервяк, ползат, лап много.

Приложения *ботамушко, братанушко* обычно используются по отношению к *домовому* — мифологическому персонажу, обитающему в доме, на скотном дворе, в бане. Похожим образом выглядит и название паука — *дедушко*. Это тоже связано с представлением о пауке как об одной из ипостасей *домового*, которого часто называют *дедом, дедушкой*:

Пауг-дедушко, дедушко сетоцьку, говорят, вьёт.

Таким образом, через термины родства оказались сближенными понятия 'родной дед', 'мифическое существо, обитающее в доме, скотном дворе, бане', и насекомые 'моль', 'паук' и 'сороконожка'.

В основу доклада легли материалы, извлеченные из выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС), Картоотеки АОС («бумажной» и электронной), а также собственные полевые записи автора.

Народные представления о смерти (на материале архангельских говоров)

А. Б. Коконова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

annakokonova@gmail.com

Диалектология, лексикология, этнолингвистика

Summary. This work is dedicated to the description of the concept of death in the northern Russian dialects. The author analyses the combinatory of the word "death" and comes to the following conclusions: death can be considered as something good or bad, it can be represented as a person or identified with God; death is described as a limit or a container.

Изучение концептосферы русского литературного языка является продуктивным направлением современной лингвистики. Диалектный язык, как и любой другой, также обладает ключевыми для народной культуры понятиями, которые и формируют концептосферу диалектного языка.

Представления о смерти являются ключевыми для любой культуры. В докладе рассматривается сочетаемость общерусского слова *смерть* и однокоренных образований в архангельских говорах и выявляются народные представления, связанные со смертью.

Смерть в народной культуре представляется законом природы, одним из обязательных этапов жизненного цикла человека: *Рожадоуца, штоп потом помереть, устроена жысь так, значит, так надо. Это закон природы, ничё не измениши, не перевернёш.*

Каждый прожитый день приближает человека к смерти: *День прожыла, к смерти ближэ.*

Время человеческой жизни истекает, как будто кто-то гонит, погоняет его к смерти: *И глазами плохо увидела, ко смерти фсё гонит. К смерти погонид, дак и уколы не удёржат, смёртно возъмёд дак.*

Так как жизнь дается Богом, грех желать смерти и торопить конец: *Грех смерть молить. А я фсё себе молю. На жыльасе досыта.*

Прекращение жизни также в руках Господа: *Умирадь дак я не боюсь, нажылася, только бы Госпоть послау хорошей смертоньки. Иш вот Бох смерти не дау, фсё тенет.*

При рождении человеку назначена судьбой и продолжительность жизни, и смерть, которой он умрет: *Это уш на роду человеку написано, кому сколько жыть и кака смерть.*

Поэтому прекращения жизни ждут с философским спокойствием, понимая, что все люди смертны, *не без смерти: Целовек не бес смерти, фсё онно помрём.*

Смерть оценивается человеком с позиции хорошо-плохо. *Хорошая, добрая смерть* — это смерть естественная, не насильственная, *лёкая: Померли доброй смертью фсе. Хочю хорошэй смертью помереть. Лёккая смерть — заснула и не розбудиласе, сама не намайлася и никого не намайла.* Такая смерть может быть названа *своей*; если же смерть произошла насильственным путем или человек совершил самоубийство, то смерть расценивается как *худая, нехорошая, не своя: Своей смерти не пришила, кислоты-от хватнула. Не своей смертью ушол, дак чё. И вот эта фся семья худой смертью помирают. Утопленникам да удавленникам*

не ставили вреста, теперь ставят кресты-ти, смерть-то нехорошая.

Смерть настигает человека внезапно: *Ну дак што, смерть не спрашиват время-то.*

Смерть — это некий рубеж, граница между миром живых и миром мертвых. Это представление прочитывается в использовании предлога «у»: *У смерти три раза была.*

В говорах отмечается словосочетание с предлогом «в», указывающее на восприятие смерти как некоего сосуда, *вместилища: Григорий лежал ф смерти.*

Человек, проживший жизнь, оказывается *на краю смерти: На краю смерти чево-то повезла ко Гале ко дочери, он четыре дня пролежал и помер.*

До смерти *доживают, добираются*, до нее можно *доковылять: До старосьти-то дожыли, а как до смерти дожыват. Што деладь, дак вот так и жывёи, до смерти надо добирация как-то. Как-нибудь дале доковылям до смерти.*

Пожилого человека *доводят, дотягают* до смерти: *Будёт за бабушкой ухажыват, доведёд до смерти. А кто до смерти будёт меня дотягать.*

Глагол *докормить* подчеркивает пассивную роль человека, близкого к смерти: родные обязаны позаботиться о нем, кормить до конца его жизни: *Маме надо было старикоф докормить до смерти, старики ужэ невозмогли.*

В глаголе *доспокоить* прочитывается представление о смерти как о вечном покое: *Не доспокоил ты мать до смерти.*

Тяжело больной или находящийся в опасной ситуации человек оказывается *перед смертью: Дак я тут перед смертью была-то.*

Умирающий человек находится *на смерти (на смерти): Оба скожы, худые, на смерти ужэ. Человек на смерти.*

Смерть — что-то огромное, довлеющее над человеком: *Ужэ пот смертью была — да отводились таблетками.*

Близкую смерть человек *несёт за плечами: Ты чево-то знаеш, мы веть фсе смерть за плечами несли. Смерть за плечами, ни севодня — зафтра жди.*

Смерть можно *получить* или *привезти* с собой: *Смерть-то получил не спицально. Если тебе дали фторуую группу (инвалидности) — ты смерть привёс.*

Смерть может представляться как мифический персонаж, который хватает человека, держит его в своих зубах (ср. в литературном языке: *в когтях смерти*): *Она лежала у смерти в зубах, плацет.*

Смерть (*смертонька, смёртенька, смертынька, смертна*) идёт, ходит, приходит или не приходит за человеком: *Разве фсё упомниш, да и смерть не идёт фсё. Везде смертонька ходит. Скоряе бы смерть пришла да увела меня на кладбишию.*

Придя к человеку, смерть как бы поселяется в нем, привязывается к нему: *Наверно смерть привязывацца, заленилась фсё делать.*

Смерть *настигает, пристигает* человека: *Боялсе смерти, а фсё равно смерть его пристигла.*

Поселившись в человеке и подчинив его себе, смерть как бы смотрит из умирающего: *Тот уш смертью гледит* (умирает).

Смерть может не увидеть человека, и потому не забрать его с собой (*смерть не берёт*): *Они уш тожэ в годах умерли, а я-то зажылась, смерть не видит. А теперь меня, старуху, и смерть не берёт, я видно там не надо.*

Желая забрать человека, смерть может *заблудиться*: *Бога прошу, шоп скорей послал, смерть-то заблудилась где-то.*

Итак, смерть в архангельских говорах представляется как рубеж, конец жизни, нечто предначертанное Богом, судьбой. При этом сильны и представления о смерти как персонаже, который приходит за человеком, забирает его с собой, может заблудиться по дороге или не увидит готового к смерти человека. Развернутый синонимический ряд ласкательных наименований смерти (*смертенька, смёртенька, смертинка, смертонька, смертынька, смёртынька, смерточка, смёрточка, смертушка, смёртушка*), возможно, свидетельствует о желании «задобрить» смерть и косвенно указывает на восприятие смерти как персоны. Таким образом, понимание смерти основано на глубинных мифических верованиях и более поздней христианской традиции, которые до сих пор сосуществуют в сознании диалектоносителей.

Инвективы в диалектном языке (говоры староверов Латгалии)

Е. Е. Королёва

Даугавпилсский университет (Латвия)

anatolijs.kuznecovs@du.lv

Диалект, инвективы, тематические группы, злопожелания

Summary. The author describes a thematic group of invectives, adding to them also imprecations. The material has been registered from Old-Believers of Latgalia (south-east part of Latvia).

Инвективы — это проблема социальная, психологическая и лингвистическая одновременно. Как справедливо утверждает Владимир Жельвис, автор книги *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*, бранный язык занимает свое место в языке любой культуры, это «сильная эмоция, выраженная сильными средствами» [2: 9]. Инвективная речь составляет заметный пласт речи носителей диалекта, поскольку отрицательные эмоции являются более сильными, чем положительные и требуют «выхода наружу». Нас интересует тематический перечень инвектив, используемых в качестве обращения и обзывания. Обращение, по мнению Н. Д. Арутюновой, имеет двойственную природу: с одной стороны оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой стороны, в обращении часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в аппелятиве могут употребляться, а иногда и сочетаться идентифицирующие и предикатные (субъективно-оценочные) дескрипции [1: 115].

Существует шкала инвектив. В качестве примера можно привести определения инвективы в «Словаре иностранных слов», поскольку синонимический ряд определения этого понятия, приводимый в словаре, отражает нарастание агрессивности. Это резкое выступление против кого-чего-л., обличение, оскорбительная речь, ругань, брань, поношение, хула, сквернословие, злопожелание, матерщина. В докладе рассматриваются злопожелания. Они могут отражать историческое прошлое в мифологическом преломлении. Например, в злопожелании *францы тебя поберу!* отражается война 1812 года. Пример записан в деревни Пизани, название которой также, по народной этимологии, объясняется тем, что в этих местах останавливались в ту войну французы. Матерщина широко представлена в речи наших информантов, среди них бытует миф о том, что мат появился в их среде с приходом советской власти, однако это крайнее выражение отрицательных эмоций мы рассматривать не будем. Рассмотрим средства выражения сильных отрицательных эмоций, которые никогда не табуировались, так как являются вполне приемлемыми в данном субэтносе, потому что не носят непристойного характера. В качестве бранных используются следующие метафоры с ярко выраженным отрицательно-оценочным значением. Это могут быть слова следующих тематических групп:

мифологические сказочные существа — *анчутка, ведьма, змей, обморок* (обманщик), *проклён, проклёныш* (тот, кого проклинали);

болезни — *холера, чума*;

отрицательные христианские образы, иноверцы, безбожники — *анчихрист, бес, демон, сатана; басурман, азият; поганик, еретик*;

496

житель определенной местности — *посадский, поселяница, сипак* (житель одного из районов Латгалии), *скобарь* (житель Псковской области);

этнонимы — *бульбаиш* (белорус), *пшек* (поляк), *чухна* (латыш);

антропонимы — *Афоня, Фалалей, Феофан* (все обозначают дурака);

человек — *бормота, выверт, выверток, выродок, живодёр, злыдень, подворотник, подлодочник, подмостовник* (грабитель), *проходец* (проходимец); *сосун, сосунок*;

животные, птицы — *баран, овечка, выдра, обезьяна, скотина, скотина безрогая, скотинки негодные; долдон* (дятел), *петух, сорока*;

растения и грибы, еда — *трава бездушная, валуй; ватрух, шкварка, гриб мочёный*;

материалы, предметы быта, обувь — *войлок; борона, сундук колхозный; валенок, сапог*;

названия ландшафта — *болото топучее* (о необразованном человеке);

отходы — *обсевок, осевок, отсевок, опоек, отюкаш*.

Бросается в глаза отсутствие названия естественных отходов жизнедеятельности. Самыми сильными ругательствами являются *анчихрист* и *проклён*. Отрицательная оценка возрастает, если номинация сопровождается указанием на недоделанность, неполноту признака: *дурака кусок, змея кусок, гультяйки* (лентяйки) *проклятой кусок, змея надобный кусок, рупоть* (по-латышски «жаба») *недоделанный* (это соотносится с метафоризацией наименований отходов) или если существительное необоснованно меняет родовую принадлежность: *Беса проклятая, поганка ты несчастная, жарил мясо, опоганил детей мне, сам жри, не погань детей!* (во время поста отец тайно накормил детей мясом).

Надо сказать, что наиболее распространенными в нашем регионе являются обзывания *бесом* и *змеем*. При этом *змеем* обзываются мужчины старшего поколения, а вот *бесом* ругаются представители всех сословий, всех возрастов, как мужчины, так и женщины. *Змеем* могут обзывать мужчину, *змеёй* женщину, *змеёнком, змеёнышем, змеятами* детей. *Змей* и *бес* могут фигурировать в составных наименованиях, в этом случае они являются воплощением отрицательной оценки, а прилагательное конкретизирует недостаток, подвергаемый осуждению: *Бес заполошный* — о порывистом, беспокойном человеке; *бес заскорузный* — об очень грязном, неопрятном человеке; *бес косоглазый, бес криволапый, бес кривомордый, бес кудлатый, бес лупоглазый, бес лысый, бес мокрехвостый* — о ребенке; *бес морсклятый* — о морщинистом человеке; *бес невиданный, бес негожий* — о ни к чему не пригодном человеке; *бес неядглый* — о болезненном человеке; *бес неловкий* — о неуклюжем человеке; *бес*

нелюдный — о нелюдимом человеке; *бес несурзанный* — о нескладном человеке.

Примеров со *змеем* гораздо больше: *змея аблаухой* — о необразованном человеке; *змея бездонный* — о прожорливом человеке; *змея блякущий* — о человеке, постоянно проводящем все время вне дома; *змея большеголовый*; *змея брюхатенный* — о человеке с очень большим животом; *змея голодраный* — о нищем; *змея голопуный*; *змея горбатый*; *змея горлатый*; *змея гримасный* — о Максиме Галкине; *змея длиннополый* — о священнослужителе православной церкви; *змея лысый*; *змея модный*; *змея мудрый*; *змея супротивный* — об очень упрямом человеке; *змея треблатенный*, *змея треблатый* —

о человеке с большим животом; *змея хритонатый* — о человеке по имени Харитон.

Конкретизирующие прилагательные в этих двух моделях, как правило, не совпадают. Синтагматика лексем *бес* и *змея* в составе современных инвектив диалектного языка отражает, на наш взгляд, хотя и в сильно редуцированном виде, древние мифологические представления восточных славян. Изучение их — это задача будущих исследований.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Номинация-обращение // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.

Диалектная лексика в речи современного г. Брянска

В. О. Кузнецов

ГУ Брянская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ

vixen2006@yandex.ru

Наддиалектная форма языка, остаточные диалектные черты, диалектная лексика

Summary. The report is devoted to dialect words in speech of modern Bryansk. The dialect words are used basically in a home language. These words give place to literary, professional and loan-words gradually.

Национальный русский язык, по мнению Р. И. Аванесова, существует в двух разновидностях: литературный язык во всем многообразии стилей и диалектный язык во всем многообразии говоров [1]. В настоящее время сформировалась и продолжает расширяться наддиалектная форма русского национального языка, которая, как считает Е. А. Брызгунова, представляет собой литературный язык, в той или иной мере насыщенный остаточными диалектными чертами [3: 79].

Географические границы остаточных диалектных черт значительно шире, чем границы архаических диалектных явлений. Они имеют разную степень выраженности в речи говорящих, неравномерно представлены в области лексики, грамматики, произношения. Наиболее полно наддиалектная форма языка проявляется в области произношения.

Наддиалектная форма языка имеет континуальную природу, ее градации (от остаточных диалектных черт до литературного языка) наиболее ярко представлены в современных российских городах, в том числе в Брянске.

Согласно Диалектному членению русского языка [4] Брянская область расположена в ареалах южного наречия, 4-х диалектных зон (западной, южной, юго-западной и юго-восточной), 6-ти групп говоров, из которых 5 относятся к говорам русского языка (Верхне-Деснинская, Западная, Верхне-Днепровская, Курско-Орловская, Межзональные говоры типа «А»), а одна — к говорам белорусского языка (за линией западнее Стародуба). Каждый из указанных ареалов характеризуется комплексом разнородных архаических черт, сосредоточенных в области произношения, грамматики и лексики. Несмотря на то, что исконный диалект в современном Брянске не наблюдается, в речи брянцев выделяются остаточные диалектные черты, характерные для лингво-территориальных единиц, представленных на территории Брянской области.

Для определения того, какая именно диалектная лексика сохраняется в современном Брянске, проводилось анкетирование брянцев различного уровня образования, возраста и пола. Предлагаемая анкета представляла собой таблицу из 5-ти столбцов. В первом столбце был приведен перечень диалектных слов, состоящий из лексических особенностей, характерных для указанных выше лингво-территориальных единиц, а также диалектной лексики, выявленной в ходе наблюдения над речью брянцев. Во втором–пятом столбцах приводились предлагаемые вопросы: *Знакомо ли Вам слово? Если слово знакомо, каково его значение? Используете ли Вы слово в речи? Если слово используете, то в какой ситуации (официальной / неофициальной)?*

Проведенное анкетирование показало, что такие слова, как *вага* (*важить*), *дежá* (*дежка*), *держален*, *дмать*, *другак* (*другач*), *жерёбая*, *женевник*, *закутка*, *замашки*, *зеленя* (*зель*), *емок*, *извара*, *корогод* (*курогод*), *котная* (*сукотная*), *крестец* (*хрестец*), *крыги* (*криги*), *кубан*, *куруха* (*курушка*), *кут*, *лемеш* (*омеш*), *летошник*, *напалок*, *на хату*, *оашиник*, *налица*, *писклята*, *пральник*, *пúто*, *стриган* (*стригун*),

цепелина жителям современного Брянска не знакомы и не используются в речи, т. к. реалии, обозначаемые большей частью приведенных слов, отсутствуют в современной городской жизни (например, *напалок* — «палица сохи», *емок* — «приспособление для доставания горшков из печи», *пральник* — «валек для выколачивания белья»). Вместо остальных слов, обозначаемых имеющиеся реалии в городе, брянцами используется литературная лексика: *дуть*, *угол*, *льдины* вместо *дмать*, *кут*, *крыги* и т. д.

Диалектные слова из приведенного в анкете перечня, имеющие омонимы в литературном языке (*брать*, *вилки*, *волна*, *город*, *мурашки*, *окотилась*, *погода*), в речи брянцев в диалектном значении не используются. Для обозначения понятий, называемых данными диалектными словами, брянцы используют общелитературную лексику [например, лит. *муравьи* (диал. *мурашки*), лит. *огород* (диал. *город*), лит. *шерсть* (диал. *волна*)].

Следующая группа слов — *бабка* (в значении «коренной зуб»), *высяток*, *гарбуз*, *горожа*, *грабать*, *досужий*, *жамка*, *заходиться*, *каркушки*, *лашик*, *лапить*, *трохи*, *утекать* — знакомы брянцам, большая часть респондентов правильно приводит их значения, однако данные слова практически не используются в речи (их используют менее 10% опрошенных). Это свидетельствует о том, что эти слова перешли в пассивный запас. Их заменяет литературная лексика, вошедшая в активный запас: *тыква*, *изгородь*, *заплата*, *немного*, *убежать* и др.

Слова *бурак*, *гребовать*, *дебёлый*, *дробный*, *жарёнка*, *как зря*, *корец*, *ливануть*, *нагинаться*, *подженишник*, *подневестница*, *скабка*, *холодное* (в значении «холодец»), *чапля* и др. используются в основном в речи рабочих, рыночных торговцев, уроженцев районов Брянской области, старшего поколения. Наряду с данными диалектными словами в их речи наблюдается общелитературная (*автобус*, *голова*, *дом* и др.), просторечная (*отсюдава*, *морда*, *ложить*, *махонький*, *легчать* и др.), профессиональная лексика (*глухарь* — «шуруп», *гнездо* — «несквозное отверстие», *горбатик* — «столярный инструмент»).

Некоторые из приведенных выше диалектных слов — *бурак*, *как зря*, *нагинаться*, *подженишник*, *подневестница*, *скабка*, *холодное* — активно используются и в речи брянцев, имеющих высшее образование, молодого поколения. Данные слова встречаются в их речи наряду с литературными синонимами: *свёкла*, *небрежно* (кое-как), *нагибаться*, *свидетель*, *свидетельница*, *заноза*, *холодец*, а также другой общепотребительной лексикой и иноязычными заимствованиями (*менеджер*, *супермаркет*, *брифинг* и др.).

Вся приведенная диалектная лексика используется жителями современного Брянска в домашнем языке, поскольку большинство этих слов обозначают реалии быта. В СМИ, в речи студенчества и школьников исследуемые слова не наблюдаются, их заменяет общелитературная, профессиональная, иноязычная, а также характерная в основном для речи студентов и школьников жаргонная лексика.

Таким образом, в речи жителей современного Брянска наблюдается диалектная лексика, используемая в основном в домашнем языке и постепенно уступающая место общелитературным, профессиональным словам, иноязычным заимствованиям.

Литература

1. Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

2. Брызгунова Е. А. Русская речь между диалектом и литературным языком // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2006. С. 18–19.
3. Брызгунова Е. А. Идиолект и наддиалектная форма русского языка // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой / Отв. ред. В. А. Виноградов. М., 2007.
4. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Дискурс-анализ русской диалектной речи: материалы электронной библиотеки лаборатории экспериментальной фонетики Казанского университета*

Р. Э. Кульшарипова

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

rkulshar@mail.ru

Диалектный дискурс, коммуникативное поведение

Summary. The paper is devoted to the research of the dialect discourse (on the material of the electronic library of the Russian dialects).

В современной лингвистике интерес к аспектам речевой деятельности значителен, это может касаться природы содержательных универсалий в речи, их когнитивно-дискурсивного освещения, описания динамики семантической формализации, корреляции коммуникативных действия в преломлении к языковым личностям как участникам речевого акта и т. д.

Диалектные носители в ракурсе их описания как языковых личностей способны реализовать тот механизм повседневного общения, который органичен в общем контексте речевой коммуникации.

В лаборатории экспериментальной фонетики Казанского университета с 2008 г. при поддержке грантового проекта РФФИ–376 ведется работа по созданию электронной библиотеки русских говоров, основанием послужила фонотека диалектных записей по результатам экспедиций в 1960–1990 гг. Оцифрованный материал составляет уже более 60 ГБ, он содержит словники (этот материал оптимален для проведения инструментального анализа с помощью уже и современных компьютерных технологий), а главное — спонтанная речь диалектных носителей разнообразной тематики и коммуникативной тактики ведения разговора. Так называемые социально-культурные стереотипы речевого поведения указывают на то, что наши дикторы владеют общими приемами порождения и управления речью. Основные их коммуникативные стратегии могут быть охарактеризованы как репрезентативная и нарративная; диалектные носители речеведчески корректно описывают события своей жизни, сельскохозяйственные работы, праздники, свои увлечения, быт, нравы повседневности и т. д.

Принято считать, что при репрезентативной стратегии степень оценочности невысока. Специфика диалектного материала, напротив, свидетельствует о тенденции аналитизма, оценочности; по ходу повествования дикторы пытаются вести речь о вневязковых событиях в лицах (напр., от себя, своих родных, подруг). Наш диалектный материал подтверждает способность наших информантов динамично и творчески применять функцию регуляции коммуникативного поведения, учитывать фокусы личностной ориентации участника речи, так что и нарративная стратегия успешно применялась нашими дикторами, тем более что адресатами были исследователи — носители иных норм, разных фреймов фатической тактики.

Важен, на наш взгляд, ракурс описания когнитивной базы диалектных адресантов сравнительно с адресатами (в основном носителями литературного языка), которые отличались и по ряду факторов (жизненный опыт, социальный статус, ценностные ориентиры и т. п.). Поэтому изучение установок на кооперативную коммуникацию в диалектном дискурсе показательно также для решения вопросов синергетики речи, поэтому взаимная координация в процессе речевого общения свидетельствует об определенных рече-

вых универсалиях, о достаточно высокой степени их применения (ведь в большинстве своем наши дикторы имели лишь начальное образование).

Детализация, развернутость тематического характера указывали на то, что носители диалектного языка (а это были говоры разной лингвогеографической стратификации) владели механизмами интерактивной процедуры межличностного общения как между носителями диалектной нормы, так и неносителями. Это проявлялось в умении подключать по ходу беседы выразительные средства просодического плана (смена интонации, акцентуация определенных участков речи, широкий репертуар акцентного выделения, использование просодического тембра), а также лексических и грамматических средств (повторы, актуальное членение, метатекстовые вставки и т. д.).

В своем исследовании мы исходили из ряда положений Казанской лингвистической школы, трактуя речь как сложный ассоциативный агрегат, что включает в себя изучение фактора адресата, введение и уточнение референтной ситуации, в которой, можно сказать, наши дикторы демонстрируют навыки успешного коммуникативного взаимодействия, моделирования этнокультурными традициями и стереотипами (хроника событий развертывается, детализируется с учетом адаптации к установкам и слушающего (исследователя)).

Диалектный текст показателен как в плане описания фонда пресуппозиций адресанта-диалектной языковой личности, так и их моделирования в связи с общим коммуникативным пространством с адресатом. Естественно, в ходе диалектологических экспедиций упор делался на записи речи диалектных носителей, адресаты — исследователи старались минимально участвовать, реплики, вопросы были немногословны. Но по характеру порождения речи можно выявить тактики координации коммуникативного действия со стороны диалектных носителей (это могут быть переспросы, эмфатическое ударение, дискурсивные слова).

Современные речеведческие исследования делают особый акцент на идее интерактивной природы коммуникации. Проблематика языковой экологии, языковой культуры не может быть успешно разрешена без освещения данных диалектного дискурса. Говоры характеризуются наличием таких вариантов речевых действий, которые не просто подтверждают уже существующие типы, а дополняют и развивают их в плане закономерностей коммуникативной динамики с коммуникантами разных когнитивных баз, разных этнокультурных стереотипов (см. образцы диалектного текста, посвященные описанию свадебного ритуала или уборки льна, или посещения бесед и др.).

Диалектная речь показательна для исследования прагматико-лингвистического ракурса; это касается рассмотрения через развертывание контуров когнитивной базы адресанта мира коммуникантов. Систематизация диалектной речи в этом

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ–376 № 08-06-00160а.

плане необходима для сохранения наследия устной речевой культуры, как особой субкультуры, которая в последнее время интенсивно преобразуется. Звучащие диалектные тексты нас интересуют также в аспекте смыслового моделирования; его корреляции с референтной ситуацией, предметной соотносительностью, динамикой коммуникативного контроля. Подключение этих аспектов будет способствовать более глубокому уточнению процесса звуковых преобразова-

ний в диалекте. Все диалектные тексты — это виды спонтанной речи.

Электронная библиотека русских говоров позволит широкому кругу лиц ближе познакомиться с наследием устной речи русского народа. Живая речь — исходный объект комплексного лингвистического описания; это провозглашалось еще представителями Казанской лингвистической школы в XIX в.

Пространственная метафора в русской диалектной лексике, обозначающей общительных людей

Т. В. Леонтьева

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

leotany@mail.ru

Русский язык, этнолингвистика, лексика, метафора, мотивационная модель

Summary. In the Russian dialects sociability and moroseness are often represented through metaphors based on people's conception of real or ideal space. The words of this group make reference to the space markers: 'up vs. down', 'center vs. periphery', 'front vs. back'. Images of movement in space are mostly used to characterize a person's skills in establishing contact with other people.

1. Представления о пространстве как средство концептуализации представлений об общительности.

Общительность и необщительность человека с высокой степенью регулярности репрезентируются в русском языке при помощи пространственно-динамических метафор. Запечатленная в диалектной лексике (материал извлечен из Словаря русских народных говоров, Словаря говоров русского севера, Фразеологического словаря русских говоров Сибири и других диалектных словарей), описывающей склонность или несклонность к общению, картина пространства, включающая в себя способы размещения в нем объектов и виды перемещений, опирается на представления о реальном либо идеальном пространстве. В частности, в мотивационных моделях отражена пространственная организация дома, сопряженная с символическими смыслами, воплощены идеи периферийности, нахождения в потаенном месте, затворничества, а также проникновения и поиска подхода к собеседнику.

2. Пространственно-динамические мотивы, репрезентированные в диалектных обозначениях общительного и необщительного человека.

(1) В пространстве дома маркированы печь и угол — потаенные места, где, по поверьям, обитает домовый: «Днем он сидит на своем любимом месте — чердаке, за печью и пр.» [3, т. 2: 121]. Там же — за печью, на печи, в углу — любит сидеть, лежать домосед, застенчивый человек. Затворничество, уединенность, постоянное пребывание в «своем» локусе роднит замкнутого человека и нечисть: пск., смол. *запéчник* 'нелюдимый, прячущийся от посторонних за печкой или на печке человек', пск., смол. *запéчница* 'избегающая общения, скромная женщина, домоседка', урал. *запéчная баушка* 'об избегающем общества нелюдимом человеке, домоседе', арх. *заугóбник* 'нелюдим', диал. *углан* 'нелюдим', забайк. *углán* 'застенчивый человек' (*Парень он ничо, да только углан большой; даже девицы не бьвают такими угланами*), перм. *углánка* 'девочка-подросток; не очень общительная, замкнутая'.

(2) Мотив периферийности реализован во внутренней форме «сторонний»: олон., новг. *сторонник*, олон., арх. *сторонник*, олон. *сторонник* 'об угрюмом, нелюдимом человеке'.

(3) Обращение диалектоносителя к слову *Россия* (*Русь*) как к элементу, пригодному для создания обозначений общительного человека, также обусловлено его включением в оппозицию «центр — периферия»: ряз. *россéйский* 'приветливый, общительный' (*Она баба россéйская, только жизни ей нету; Сноха сурьезная, а я-то россéйская*), ряз. *россéйский парень* 'простой, компанейский парень', ряз. *россéйский* 'смелый, бойкий' и 'застенчивый (о ребенке)' (*Ну, она не боится, она россéйская девка; Такая-то россéйская, к кому хошь пойдет, никого не боится* — о маленькой девочке). Значение 'центральный', сопровождаемое коннотацией 'открытый, просторный', актуализировано в волог. *эхать на русь* 'эхать в центр' (*Все едут на русь, на ширь, место поближе к сельсовету*), а также в контексте, который содержит противопоставление «российского» и «бокового, стороннего»: *Ты, Тамара, россéйская, вся ты развязная, вся ты развитая. Верка — она побоковатей*.

(4) В перм. *западáй* 'замкнутый человек, живущий обособленно от других, не склонный к общительности' необщительность репрезентируется как пребывание человека в скрытом месте — глубоко под чем-либо либо далеко от чем-либо, ср. перм., вят., волог., твер., вост.-сб., енис. *западáть* 'прятаться, укрываться', перм., краснояр. *западáть* 'не показываться на народ, сидеть дома', яросл. *западáть* 'находиться вдали от всех, уединяться'.

(5) Характеристика необщительного человека может опираться на мотив «провалившийся, скрытый внизу, под чем-либо»: нижегор. *скроземéльный* 'нелюдимый' (ср. симб., перм. *скрозь землю провалиться* 'упасть в какую-либо щель, пролом, пустоту').

(6) Сема отказа от общения с людьми зафиксирована при помощи мотива передвигания в пространстве (мотива избегания соединения) в колым. *неприбéжный лю́дям челове́к* 'не желающий обращаться к другим, нелюдимый человек'.

(7) В принципиально ином качестве выступает мотив перемещения в пространстве в случае с метафорой поиска подхода к собеседнику, объединяющей ряз. *лазу́нный* 'ласковый, общительный, располагающий к себе', свердл. *подхóдный* 'обходительный, приветливый', волог., урал., арх., тюмен., том. *подхóдчивый* 'умеющий подойти к людям, обходительный, приветливый'. Адресность как одно из условий общения обусловила появление лексических и фразеологических фактов, отражающих представления о результате воздействия на другого человека, которое метафорически выражено как проникновение: *войти в добрые к кому-либо* 'добиться расположения у кого-либо', *влезть в глаза* 'вызвать чувство сильной привязанности; понравиться' (*Сперва они ссорились, а потом она влезла ему в глаза, хорошо топер живут*) *вложиться в душу* 'понравиться'. Обращает на себя внимание «канал проникновения» — глаза.

3. Пространственные категории, отраженные в лексике, означающей общительных и необщительных людей.

Таким образом, выстраиваются следующие оппозиции пространственных ориентиров, из которых в рассмотренной лексике чаще представлен лишь один из оппозитивов: «центр — бок (сторона)»: открытое обширное пространство, ассоциируемое номинатором с общительностью, противопоставляется отдаленной, скрытой окраине, боковине, символизирующей замкнутость человека; «верх — низ»: открытый верх противопоставляется скрытому низу, ассоциируемому с необщительностью; «передний — задний»: необщительный человек репрезентирован в языке как объект, находящийся позади чего-либо и таким образом скрытый. Динамический аспект представлен оппозицией «возможность — невозможность проникновения»: склонный и умеющий общаться человек репрезентирован в языке как умело продвигающийся к цели, способный подойти, войти, влезть, проникнуть куда-либо.

Литература

1. Алексеев М. А., Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи: Словарь. М., 2007.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

3. Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. 1–.
4. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
5. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.

6. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
7. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983.

Этнолингвистический сюжет забайкальской диалектной лексики

Н. А. Лиханова

Читинский государственный университет

nadezh-1@yandex.ru

Этнолингвистика, диалектные словари, диалектное слово

Summary. The article is devoted to researching of ethnolinguistic problems of dialects in «The dictionary of Zabaikalsk's Russian Dialects».

Одним из этнолингвистических источников познания лингвокультуры регионального сообщества выступают диалектные словари, языковой материал которых позволяет определить специфику формирования диалектной картины мира в отдельном регионе. Томский диалектолог О. И. Блинова, опираясь на труды Н. И. Толстого, в своих работах по диалектному материалу обращается к понятию «диалектная лингвокультурология», что применимо к понятию «диалектная этнолингвистика», систематизирует аспекты изучения данного феномена, выделяет онтологический аспект изучения, выявляя отдельные компоненты народной речевой культуры. С. Г. Тер-Минасова, рассуждая о разновидностях национального языка, вводит понятие «диалектная культура» или «диакультура».

В целом этнолингвистическое описание языкового материала Восточного Забайкалья было предложено на базе исторического и топонимического словарей, где представлено «системное изучение фрагментов региональной картины мира, формирующее перед исследователем задачу идеографического описания тех реалий и понятий, заключенных в слове, которые важны для этнической истории ареала» [2]. Диалектный материал, к сожалению, пока не подвергался такому исследованию. В этом отношении культурно-историческую ценность представляет «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова, который фиксирует лексику практически всех групп старожильского населения Забайкалья: казаков, сибиряков, семейских, карымов, где «на нашем языке хоть с кем изъясняться можно. Тунгус поймет, якут разберется, о чем скажешь, а бурят и подавно догадается, он с русскими давно вместе живет» [7]. Моделирование диалектной картины мира, интерпретацией этнокультурных смыслов возможно только при идеографическом построении словарного материала.

В качестве иллюстрации диакультуры проведем анализ диалектной лексики: *корсун* или *корсунок*. «Словарь русских говоров Забайкалья» определяет их как «лепешку из толченых ягод». Обратимся к текстовому комментарию: *Подавала мне сватья корсун из брусники и сказала: кушай на здоровьице. До того вкусный был корсун, что даже пальцы обливала. После того я таких корсунов не едала и не видала. Выпеканием корсунов занимались накануне праздничных дней, и они являлись одним из главных блюд за столом, об этом свидетельствует фраза По всей деревне к каждому празднику корсуны пекут. Первым угощением был корсун. В лепешку шли только свежие продукты, иначе невозможно было изготовить блюдо: Мама, спеки корсунок, давно уже я корсунки не ел. Корсунок испекчи недолго, да масло надо, на воде корсунки не пекуться. Корсуны являлись одним из лакомых изделий для детей: Сама я с детства корсунки люблю, да на корсунках и ребят вырастила. Корсуны, корсунки имели форму лепешки, вариант лесемы *курсун* был в виде пирожка, обычно с черемухой или с маком: *Курсуны надиво удались. Такими курсунами и самого царя угощать можно было. Да, вот видишь, царя сбросили, и пришлось курсуны простенькому солдату кормить*». Исторический аспект контекста свидетельствует, что в начале XX века данный вид пицши был распространен и являлся своего рода символом забайкальского стола, так как могли его подать и царю.*

«Словарь русских говоров Прибайкалья» [4] фиксирует *курсун* в значении лепешки из толченых ягод: *Воину трудно жили, дети малы, я всё имя, от себя отрывала, им последний корсун. Так вот и выросли они*. Отмеченная трактовка указывает на то, что *курсун* состоял из простых продуктов, выпекался ежедневно, а не в праздничные дни.

Корсун в «Словаре русских народных говоров» [4] семантизируется, как «лепешка из толченых ягод черемухи; пастила из черемухи», распространенное в иркутских, забайкальских, бурятских говорах: *Вынесла из казенки (чулана) целый мешок корсунов*. Корсуны могли храниться долгое время, поэтому готовились в большом количестве. *Курсун* в том же словаре, «лепешка из сухих смолотых ягод черемухи, боярки и т. п.» нерчинского говора Иркутской губернии, амурского говора, зафиксировано в 1896. Во втором значении — это лепешка из творога или сухих молотых ягод, фиксируется С. Боголюбским, но уже в Нерчинских говорах Забайкальской губернии. Труд С. Боголюбского был направлен на изучение лексики Забайкалья, его работа «О русском языке в Нерчинском округе [Забайкальской области] с приложением сборника местных слов и выражений», являясь ценным источником для изучения специфики диалектной картины региона. *Курсуны* в этом источнике также определяются как «пряники из молотых ягод черемухи, которые высушивают на солнце», таким образом, изделие можно было не выпекать, а подвергать сушке.

Встречается наименование *коршуны* в приамурских говорах. «*Коршуны* — сладкие лепешки из черемухи. *Коршуны у нас все любили, их из черемухи делали на молоке с сахаром*» [4].

Во втором издании В. И. Даля находим фиксацию лексемы *корсунь*, распространенную в иркутских говорах: «*Корсунь* — лепешка из битых, толченых ягод черемухи, черемуховая пастила» [3].

Представляет интерес этимологическая трактовка *корсунов*. Версия опирается на бурятское *хурна* (*н*) — «самодельные пряники, изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи», или *айрха хурхан* — «творог отцеженный и высушенный». Автор этимологического словаря А. И. Аникин [1] предполагает, что источником образования могут служить номинации типа **хурсу* (*н*), калмыцкое *хурсу* «род сыра». Допускается заимствование на основе монгольского *qirusun* ~ *qirisun*.

Таким образом, этнолингвистическая специфика диалектной единицы, проявляется в следующем: этимологический аспект слова *курсун* позволяет говорить о том, что данное слово заимствовано из монгольских языков. Территориальное распространение диалектного слова, выявленное на основе ряда словарей, указывает на то, что лексема *курсун* функционирует в основном в забайкальских говорах, а также иркутских, приамурских. Семиотический аспект диалектного слова репрезентирует процесс приготовления пицши (выпекание, сушка и т. д.). Подобный анализ реконструкции фрагмента диалектной культуры повышает значимость словаря, расширяет границы значения слова и на фоне приведенных артефактов выявляется связь языка, культуры и истории.

Литература

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 1997.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: В 4 т. Т. 2. М., 1980.
3. Любимова Л. М. Исторический словарь в познании региональной картины мира // Мир русского слова и русское слово в мире. Варна, Болгария, 2007.
4. Словарь русских говоров Приамурья / Авторы: Ф. П. Филлин, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова. М., 1983.
5. Словарь русских говоров Прибайкалья / Под ред. Ю. И. Кашевской, М. А. Серышева, П. Г. Соколова. Вып. 1–2. Иркутск, 1976–1987.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 15. Л., 1979.
7. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Лексико-семантическое поле «ветер» в народной медицине Тамбовской области: этнолингвистический аспект

Д. Н. Лоскутова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

dina_los@mail.ru, losdina@yandex.ru

Лексико-семантическое поле, этнолингвистика, народная медицина

Summary. This work represents ethnolinguistic analysis of lexico-semantic fields «illness» and «wind» in the folk medicine of Tambov region.

Цель данной работы — выявить семантические связи, характеризующие взаимодействие народной медицинской терминологии Тамбовской области с другими пластами лексики (в частности, лексико-семантическим полем «ветер»). Данная работа выполнена в этнолингвистическом ключе и базируется на аутентичном материале, собранном автором в ходе полевых экспедиций по Тамбовской области (2003–2009 гг.).

1. Ветер в представлениях жителей области является субстанцией, распространяющей заболевания, этиологически связанные с колдовством и порчей: ...значить они [колдуны] какое-то слово знали. Вот как она по ветру ли, может как она в след тебе скажет чаво. Эт они вить, колдуны, всё, всё знали (Сосновский р-н, 2006 г.); Вот килы-т понасажають. Либо на вятру поймають (Бондарский р-н, 2007 г.); А то ещё [колдуны] по ветру пускають, в рот, к примеру, насажають, и не знаишь, как лечиться (Тамбовский р-н, 2000 г., Личный архив Т. В. Махрачевой). Самое распространенное заболевание, которое, по мнению жителей области, можно «наслать» таким образом — шишки, именуемые в говоре *килами*: есть, гварть, под ветер, есть, хто может пустить ею, кил-та она, а ты идешь под ветер [...], и можно, влятить (Староюрьевский р-н, 2006 г.); И щас кила, по ветру пустил, это такая как чирья, они больныя (Уваровский р-н, 2004 г., личный архив Т. В. Махрачевой). С ветром также распространяются заболевания, от которых избавлялись магическим способом: Экзём? Да хто знает, от чаво он бываить? Хто знает? Мож с ветра, мож как, хто знает. [Что значит «с ветра»?] Ну, мало ли вот, может хто чаво бросаить, вот леча, бросаить иё, подымаишь вот эти, какие-то (Староюрьевский р-н, 2006 г.). С этими представлениями согласуются убеждения, что болезнь «переходит» на атрибут, участвующий в лечении. Контакт с таким предметом может привести к тому, что человек заболит (считается, что болезнь посредством этого предмета будет передана человеку): Вот, а чё ж вот, а ня брать ничаво в лясу, вот, в посадах — эт от старости, старость. Эт самая старость [болезнь] называется. [Что может произойти с человеком, который возьмет вещи, оставленные после лечения старости?] На тебе перейдет (Сосновский р-н, 2006 г.).

2. Во внутренней форме отдельных лексем, обозначающих болезни, появляющиеся в результате вредоносных действий колдуна, содержится указание на ветер как способ передачи болезни человеку — *повётреница*: Что повётреница? Вот она тоже хорошо дейвуть. Вот какая колдунья, колдуны называют, колдунья, волшебница. Такие есть, старыи они, знатныи. И вот она выходит на заре и зяваить: а-а! Рот разинаить — она выпускаить слова, [...] по ветру она лятить, а куда придитя, хто яво знает [...]. А человек-то, как же на человеке. Он начинаить, скёржитя, весь маитя, весь из сибе выходит, стонаить, кричить, и не знает, чё сделать. Вот эт самая повётреница (Пичаевский р-н, 2008 г.). Интересно отметить, что одним из признаков *повётреницы*, которую колдунья могла «наслать» на дерево — шишки (ср. *кила*): Вот на этих, на деревьях есть шишки вот такие вота. Ну, эт повётреница, эт колдунья какая-т пустила (Пичаевский р-н, 2008 г.).

3. Полевой этнолингвистический материал, собранный на территории области, свидетельствует о том, что ветер и воздух, которые объединяются в сознании человека в виду их незримого присутствия в природе [1: 357], является привычной стихией для болезней разнообразной этиологии. Глагол

лексико-семантической группы «действия, совершаемые болезнью с целью проникновения в человеческий организм» *налететь*, указывает на то, что, по мнению жителей области, болезнь способна передвигаться по воздуху: *налетать куриная слепота* [...], *к вечеру, они уже не могут, ничё не видють* (Рассказовский р-н, 2006 г.), ...*лихорадка, ну такая болезнь была, ужасная, эт вот прям я точно знаю. Ну хватисси, ни с того, ни с сего налетела!* (Сосновский р-н, 2006 г.), *Да хто яво знает, налятять крик такой, и она кричить. Никак иё не успокоишь. И батюшки, мучаишь, мучаишь* (Уваровский р-н, 2006 г.), *Вот раньше налетел понос на ребёнка. Ну чем его там, вот травка* (Рассказовский р-н, 2003 г.), ...*ну хто яво знает, откеда вот болезнь какая налятая?* (Сосновский р-н, 2006 г.). Представления о пространственном перемещении болезни по воздуху, вместе с ветром отражает и глагольная лексика с корнем *лет-*, обозначающая способ отсылки болезни в заговорных текстах и приговорах: *С гуся вода, с рябёночка худоба, с рябёночка моя болезнь лети* (Уваровский р-н, 2006 г.); *Ляги кила по ветру!* (Сосновский р-н, 2006 г.); или уход болезни из человеческого организма: ...*ну вот эта болезнь, вся она ветром улятала* (Староюрьевский р-н, 2006 г.); ...*бородавки такие, сплошные бывають, а бывають тонкии, длинныи, все соски [у коровы] усыпаны. И вот она [знахарка], бывал, сходишь к нею, она, бывал, почитаить. Принесёшь, раза три помоишь, и все слятають...* (Староюрьевский р-н, 2006 г.). Ср. формулы в русских заговорах: *с ветра пришло, на ветер иди!*

4. С ветром связана народно-этимологическая основа некоторых способов лечения. Так, детское инфекционное заболевание, именуемое в говорах *ветрянкой*, лечили, выбирая на ветер ткань, которую прикладывали к сыпи: *А тада гварили: всё ветрянка, мол, какую-нить тряпочку новую, хорошую отрубють ды бросють по ветру [...]. По этим, по пу'прушкам, тереть и вродь по ветру бросить* (Староюрьевский р-н, 2006 г.). При лечении коклюша, характеризующегося приступами кашля, в результате которых ребенок задыхался, обращение к этимологической магии призвано было облегчить дыхание, ассоциирующееся с воздухом: ...*коклюш. Вот какой, до шасты лет. А как я с ними [с детьми] мучилась-то. Щас я прям, она [дочь]: «А-а-а!». А я выношу, бяру и на ветяр, прям вот щас думаю, она дых отдасть. [Что значит «отдаст дых»?] Ну, как дух, она вродь как вьдыхала и вродь думаишь: щас она больше не взойдёт [не начнет дышать], вот вить как, как думаишь. Ну как прям помярла, всё, ня дышить. А на ветярок вынесла, и она прям вот так вот «а-а», и начинаить дьша...* (Сосновский р-н, 2006 г.).

5. В семантической структуре лексемы *повётрие* выделяется несколько значений: различные массовые заболевания: *Ну, вот она была повётрия такая, болезнь. Все тут, все, многие болели* (Бондарский р-н, 2007 г.); простуда на губах: *Ну, повётрие, знаешь, щас, вот губа обмятала или там в нос, вот тебе и повётрие, да, вот она и щас, да, вот простыла ты, или губа обмятает иль ищё, другие поймаишь, стоить, куды она сядить, вот обмятает, на бороду, вот эт и повётрие. Эт, она ничё, эт она и щас есть. [Почему это заболевание так называется?] Конечно, простыла вот и всё, да, вот ветром охватило тебе, вот и повётрие* (Пичаевский р-н, 2008 г.).

Литература

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1: А–Г / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995.

Концепт «женщина» как фрагмент диалектной языковой картины мира

Т. И. Мочалова, Ю. В. Пронина

ГОУВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва».

siluris@rambler.ru

Диалектный язык, концепт, картина мира, гендерный аспект, семантика

Summary. In this paper we analysed originality of concept «Woman» in dialectal linguistic World picture, revealed explanatory signs underlied of nomination.

В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется изучению диалектной языковой картины мира, которая отражает результаты оценочной деятельности человека, его знания и представления об окружающем мире. В русском языковом сознании на протяжении многих веков передается отношение к женщине, оценивается ее роль в обществе, определяется система наиболее значимых для носителей рассматриваемой культуры признаков, отражающих своеобразие национально-языковой картины мира. В связи с этим изучение концепта «женщина» представляется особенно интересным и актуальным. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия».

В русских говорах Мордовии употребляется диалектизм *плато́шница* с обобщенным значением 'женщина', при этом номинация дается по характерной детали женской одежды. Многочисленны наименования женщин по семейному положению и родственным отношениям: *мама́ка, мамо́ка* — 'мать'; *свекру́ха* — 'мать мужа'; *баба́ка, баба́ня* — 'бабушка'; *пра́вдушка* — 'прабабушка'; *де́вушка* — 'дочь'; *большу́ха* — 'старшая дочь'; *найду́шка* — 'рожденная вне брака'; *падчеру́ха* — 'неродная дочь'; *приёмка* — 'приёмная дочь' и др. Функционируют и другие наименования, характеризующие положение женщины: *полюбо́вка, прислу́жница* — 'любовница', *векову́шка, надобла́* — 'незамужняя женщина в возрасте', *неродо́уха* — 'нерожающая женщина или не имеющая детей'. Широко распространены наименования замужней женщины — жены: *баба, женёнка, таёры́ка* и др. Кроме того, в говорах употребляются слова, у которых интегральное значение 'жена' конкретизируется: *вторя́нка* — 'вторая жена', *посёстрия́* — 'первая жена по отношению ко второй', *молодо́дка* — 'молодая жена, недавно вышедшая замуж' и др. В большой крестьянской семье возникает необходимость различать всех ее членов, что обусловило появление слов, называющих жену близкого родственника: *большу́ха* — 'жена старшего сына'; *меньшу́ха* — 'жена младшего сына'; *сестри́чка* — 'жена брата'; *сноше́льница* — 'жена деверя'. Особое место в говорах занимают диалектизмы, называющие женщин по роду занятий их мужей: *солдату́ха* — 'жена солдата', *причи́ндо́уха* — 'жена начальника'.

В исследуемых говорах зафиксированы многочисленные наименования по роду занятий, первоначально присущих только женщине (*поярка* — 'телятница'; *пря́селка* — 'пряха' и др.), а также позднее освоенных женщиной (*избачи́ха* — 'заведующая читальней'; *ки́шница* — 'женщина-киномеханик' и т. д.). В диалектах не представлены слова, называющие богатую успешную даму, а напротив, *латтёжница* выступает наименованием 'бедной и неимущей женщины', *сбира́нка* — 'нищенки', *горю́шка* — 'бедной, несчастной женщины'. Употребляются наименования, характеризующие женский пол и с других позиций: возрастных (*дэ́вка* — 'девочка', *юно́тка* — 'девушка', *сороко́вка* — 'женщина лет сорока'), *ста́рка* — 'старая женщина'), поведенческих (*лазу́чка* — 'любит лазить', *лаба́шница* — 'лакомиться', *начи́тница* — 'читать' и др.).

В русских говорах при оценочной квалификации женской внешности особое внимание обращается на цвет волос, кожи, черты лица: *сиву́лька* — 'женщина с белокурыми волосами', *чуга́* — 'женщина с темной смуглой кожей', *рябу́ха* — 'рябая женщина', *ноздры́ха* — 'женщина с широкими ноздрями' и др. Заметим, что девушка с распущенными и растрепанными волосами всегда в сознании народа воспринималась в связи с темными силами, потусторонним миром, магией: *вохля́тка* — 'женщина, с взлохмаченными, растрепанными волосами', *как волх́а* — 'с распущенными, растрепанными волосами' (ср.: *волх́а, шуто́вка, шуто́вушка* — 502

'колдунья'). В говорах функционирует большое количество слов, называющих лиц женского пола с точки зрения их роста, полноты, особенностей телосложения: *колбе́шка, шавя́чка, растетёха, тру́шня* используются для обозначения полных женщин небольшого роста; *тру́щобина, верга́сина, хабалка* — для названия девушек худых и высоких.

Положительно оцениваются в говорах такие внешние признаки, как красота, чистота, аккуратность, воспринимающиеся сельскими жителями как должное, соответствующее норме, представлениям о женщине: *чисту́ха* — 'чистоплотная женщина'. Если же признак проявляется ниже общепринятой нормы, то женщина характеризуется с отрицательной стороны. Так, для наименования неопрятной, нечистоплотной женщины употребляются *ляпу́ха, нюхря́йка, росшомо́ха, чупа́ха, размухры́жка, шебалá* и др. Следует отметить, что нежелание женщины работать негативно оценивается сельскими жителями: *кады́ха, шля́йка* — 'женщина, которая любит бродить без цели и дела'; *легостáйка, околóтница* — 'лентяйка, бездельница'.

Оценочная структура концепта «женщина» определяется в том числе и характером женщины, особенностями поведения, наиболее значимыми можно считать такие черты, как общительность, правдивость: *бáсельница, говору́ха, заболту́шка, каляканка* — 'женщина, любящая поболтать', *лесту́ха, любопы́тница* — 'сплетница', *мето́вка* — 'обманщица', *ватры́шка* — 'язвительная женщина'. По мнению Ж. А. Зубовой, слова с интегральной семей 'болтать' имеют неодобрительный эмотивный компонент, поскольку «пустая болтовня никогда не приветствовалась сельскими жителями, считалась занятием недостойным и зазорным» [1: 62].

Проявление таких внутренних качеств, как злость, привередливость, самовлюбленность, глупость оценивается диалектоносителями с отрицательной стороны: *жерла́бка* — 'склонная скандалить', *мерлу́шка* — 'злая, недоброжелательная', *надое́дница* — 'надоедливая', *полыга́лка* — 'хвастливая', *вещу́лька* — 'привередница', *брезгу́нья* — 'брезгливая', *феёна* — 'глупая' и др. Обращает на себя внимание обилие слов, называющих распутную женщину: *журжа́, повалю́шка, скурёха, хайду́шка, хлысто́вка* во 2 знач. и др. Т. А. Литвинова отмечает, что в русских говорах более частотны наименования женщины легкого поведения, что «свидетельствует о большем осуждении носителями говоров женского распутного поведения, чем мужского» [2: 144]. Лишь единичные образования отражают положительные черты характера женщины: *жалёлы́ца* — 'заботливая', *привё́тница* — 'гостеприимная', *промызгá* — 'ловкая, проворная', *уше́нька* в 1 знач. — 'ласковая, приветливая'.

Таким образом, в диалектной языковой картине мира концепт «женщина» представляет собой отражение стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, при этом определяющую роль традиционно играют способность трудиться, содержать домашнее хозяйство, продолжать род. Любой незначительный отход от данного стереотипа ведет к осуждению женщины в обществе, объясняет широкое распространение наименований с негативной оценкой.

Литература

1. Зубова Ж. А. Фразеосемантическое микрополе «говорение» в орловских говорах // Слово и тест в культурном сознании эпохи. Ч. 2. Вологда, 2008. С. 61–65.
2. Литвинова Т. А. Номинации человека по особенностям поведения в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Ч. 1. СПб., 2007. С. 141–146.
3. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: А–Я. Т. 1–8. Саранск, 1978–2006.

О некоторых особенностях глагольной лексики прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах

С. А. Мызников

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

mynikovs@rambler.ru

Глаголы, диалектный севернорусский, прибалтийско-финский

Summary. The dialect loan verbs from balto-fennic languages are analyzed in the article. There are some characteristic features in the group of such verb.

Глагольная диалектная лексика прибалтийско-финского происхождения уже являлась объектом лингвистического анализа, впервые относительно полно она исследовалась в книге А. П. Погодина «Севернорусские словарные заимствования из финского языка», которая стала важным этапом в деле изучения финно-угорских лексических заимствований в севернорусских говорах. Автор впервые отдельно разработал заимствованную глагольную лексику, посвятив ее анализу отдельные главы: «Глаголы на -айдать», «Глаголы на -андать». Наиболее весомый вклад в изучение данной проблемы внес Яло Калима, классические труды которого востребованы и в настоящее время, а его работа «Die ostsee-finnischen Lehnwörter im Russischen». Этот фундаментальный труд и по сей день входит в число наиболее полных работ по прибалтийско-финским лексическим заимствованиям. В нем представлены разработки 520 этимологических гнезд. Рассматривая глаголы он также отмечал многочисленность лексем на *-айдать*, *-андать*, которые он относил к результатам вепского воздействия. Значительно позднее глаголы на *-анда-*, *-айда-* анализировались Ю. С. Азарх, З. М. Дубровиной и А. С. Гердом.

К настоящему времени накопленный значительный эмпирический материал требует детального анализа по разным параметрам: ареальным, тематическим, семантически, словообразовательным и т. п.

I. Ареальные особенности

1. Фиксация глагольной лексики неисконного происхождения нередко является показателем интенсивности межъязыковых контактов. Нередко отмечаются единицы, которые следует классифицировать как проникновения — при сходстве формы, тождестве семантики с сопоставляемым этимоном, единичности фиксации диалектной единицы, например, *мүрндать* ‘ломать’ Подпорож., ср. вепс. *murondan* ‘ломаю’, *tureta* ‘разбивать, ломать’. Однако, глагольная лексика, даже при единичном употреблении адаптируется русской языковой системой, и поэтому с формальной точки зрения ее следует трактовать как заимствованную. Таким же образом глагол *мүштать* ‘знать, соображать, вспомнить, понимать’ Петрозав., Заонежье, сопоставляемый с луд. *muštada*, вепс. *muštta* ‘помнить, понимать’, служит маркером интенсивного вепско-людиковского воздействия.

2. Ряд лексем имеет более широкий ареал, так, например, в говорах Каргополья, Обонежья, Белозерья фиксируется глагольная лексика прибалтийско-финского происхождения, свидетельствующая о значительной интенсивности субстратного воздействия: *мáлтать* ‘понимать, уметь что-л. делать’, при ливв. *malttua* ‘уметь’; *кáрзать* ‘обрубать сучья’, ‘обрубать сучья на поваленных деревьях’, ‘снимать кору с деревьев’, ‘рубить деревья’ Белозер., Заонежье, Вытегор., ср. вепс. *karśta* ‘обрубать сучья’; *кéхтать* ‘желать, хотеть что-л.’, ср. вепс. *kehhta* ‘желать, хотеть, не лениться’.

3. Часть глаголов имеет коррелирующие ареалы, когда один тип заимствования сменяется другим: *кáртать*, *кáрдать* ‘чесать, пушить шерсть’, ср. кар. *kartata* ‘чесать шерсть’, луд. *kartita*, ливв. *kartata* ‘чесать на щетках шерсть’, при фин. *kartata* ‘чесать шерсть’; и *шй́нгать* ‘чесать, пушить шерсть’, ср. вепс. *singotada* ‘щипать, пушить шерсть’, кар. твер. *singuttua* ‘бить, пушить шерсть’. Глагол *шй́нгать* / *шй́ньгать* полисемантичен и в разных значениях представлен практически на территории всей северо-западной диалектной зоны, а также в русских говорах Урала и Сибири. Однако в значении его ареал гораздо уже, это в основном Белозерье, Прионежье, Каргополье, говоры севера Новгородской области, по р. Северная Двина.

II. Семантическая дифференциация

Семантически значительная часть глаголов является лексемами, выражающими чувственное восприятие.

1. Звукоподражательные (ономатопозитические глаголы); причем такого рода данные рассматриваются также в ряду дескриптивных (звукоименных и звукоподражательных) слов: *улайдать* ‘выть (о волке, собаке)’ Медвежьегор., Пудож., Кондоп., Сеgez., Прионеж., Подпорож., *уландать* ‘выть (о волке)’ Вытегор., Подпорож., Прионеж., Пудож., Кондоп.; *мүрндать* ‘мычать (о корове)’ Вытегор., *мүранд-дять* ‘мычать (о корове)’ Заонежье.

2. Выделяются глаголы, относящиеся к сфере материальной жизни: *калэ́жить* ‘ловить рыбу’ Подпорож., *калэ́жить* ‘ловить рыбу *калегой* — особого рода сетью для ловли рыбы’ Заонежье, ‘ловить рыбу на неглубоких местах, загоняя ее в сеть’ Подпорож., Вытегор., Медвежьегор., ср. вепс. *kal'etada* ‘ловить рыбу ботальной сетью’.

3. Часть глаголов подчеркивает специфику осуществления какого-л. действия: *кбандать* ‘медленно идти’ Вытегор., Прионеж., ‘делать что-л. медленно, копать’ Заонеж. *Кáбайдять* ‘медленно работать’ Петрозав., Олон. Ср. вепс. *kobeita, kobaita* ‘шевелиться, двигаться, копошиться’.

III. Словообразовательные особенности и специфика морфемного членения

1. Значительная часть глаголов имеет в своем составе форманты *-анда(ть)*, *-айда(ть)*: *сйбайдять* ‘идти частыми мелкими шагами, семенить (обычно о пожилом человеке)’ Кондоп. Карел.; *сйбайдять* ‘моросить (о дожде)’ Кондоп., Пудож.; *сйрандять* ‘дрожать (от холода)’ Вытегор. Причем следует отметить, что форманты *-андать*, *айдать* фиксируются и в глаголах с корневыми морфемами исконного происхождения.

2. Имеется значительное число глаголов с формантом *-ита(ум)*, которые грамматически являются каузативными: *Кй́ркитать* ‘смеяться’: — *Чего кй́ркитаеете, смеетесь?* Подпорож. Ленингр. *Кóкитать* ‘бездельничать’ Лудейнол. Ленингр. *Кóкитать* ‘обрабатывать землю мотыгой, тяпкой’ Медвежьегор. Карел. *Кү́читать* ‘щекотать’ Вытегор. Волог., Медвежьегор. Карел. Каузативный формант также участвует в словообразовании глаголов исконного происхождения: *кй́питать* ‘подвергать что-л. кипячению’ Подпорож.: *Каменьям бочку овса кй́питаем, и белье так кй́питаем.* Подпорож. Ленингр. *Курьей слепоты много, для клопов нарвать, кй́питать, хорошо для клопов.* Прионеж. Карел. *Нака́пй́тать* ‘накапать чего-л.’: — *Накапй́тай мне капель.* Подпорож. Ленингр.

Следует отметить, что в прибалтийско-финских языках отмечается большое число ономатопозитических глаголов, которые многие из которых фиксируются как заимствования на севернорусской почве.

Литература

1. Азарх Ю. С. О глаголах типа улайдать — уландать в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209.
2. Арзуманова Н. Г. К вопросу об усвоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 84–90.
3. Арзуманова Н. Г. Освоение заимствованных глаголов севернорусскими говорами (войдать, шиньгать) // Севернорусские говоры. Выпуск 5. Межвузовский сборник. Ответственный редактор А. С. Гerd. Л., 1989. С. 89–93.
4. Варбот Ж. Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
5. Доля Т. Г., Суханова В. С. К вопросу о глагольной синонимике в русских народных говорах Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.
6. Дубровина З. М., Gerd А. С. Об одном типе глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посв. 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75–76.

7. Керт Г. М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка // Советское финно-угроведение. 1987. XXIII. 2. С. 93–100.
8. Погудин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. 4. С. 1–72.
9. Скуратова Н. И. Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР // Уч. зап. Петрозав. ун-та. 1965. Т. X. Вып. 3. С. 66–74.
10. Трубинский В. И. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 336. Гуманитарные науки. 1969. С. 118–132.
11. Фадеев Г. А. Глагол «ворчать» и его синонимы в говоре Заонежья Медвежьегорского района Карельской АССР // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976. С. 79–85.
12. Фадеев Г. А. О структурно-семантической интерпретации синонимии (на материале глагольной лексики говоров Заонежья) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Выпуск 3 / Отв. ред. Н. А. Мещерский, А. С. Герд. Л., 1979. С. 41–51.
13. Jarva Vesa. Some expressive and borrowed elements in the lexicon of Finnish dialects // Ideophones / Eds.: F. K. Erhard Voeltz, Christa Kilian-Hatz. P. 111–119.
14. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
15. Mikone E. Deskriptiviset sanat // SKS. 879. Helsinki, 2002.
16. Timosjuk M. Ономастопозитические глаголы в русском языке // Rosprawy uniwersitetu Warszawskiego. Warszawa, 1994.

Разделительные союзы в пояснительных контекстах (на материале сибирских говоров)

С. П. Петрунина

Кузбасская государственная педагогическая академия (Новокузнецк)

nad514@yandex.ru

Диалектный синтаксис, служебная лексика, разделительные и пояснительные союзы

Summary. The paper dwells on the disjunctive conjunctions and their functioning within the frame of the explicative chain (the explicative context) in the Siberian patois.

В сибирских говорах разделительный союз *или* (*иль*, *али*, *але*, *аль*) употребляется в спровоцированных диалектологом пояснительных контекстах в целях метаперевода и имеет в этом случае значение союза пояснительного ('то есть', 'это значит'). Позиция союза фиксирована, определяется положением между членами пояснительного ряда — двучленного ряда, представленного поясняемым (первый член) и поясняющим (второй член), связанными пояснительным отношением, которое выражается пояснительными союзами. Приведем примеры, учитывая типичное контактное (а) и менее типичное дистантное (б) положение членов ряда:

а) *Сетник* (паук) *в доме плетёт сети, или тенёта* (МДС, II: 174); *Майна, или пода, это во льду пролубы, дыры во льду с двух концов* (МДС, II: 43); *Под полом подполье. А там стойки, или подкладки из крепкого дерева* (МДС, II: 49); *Сутунок, или краже — это ствол, распиленный на части* (МДС, II: 125); *А в агусте картошку таскали и капусту. Агуст, или мешок* (ОСК, I: 35); *В Ленинский раньше пешком ходили. Там адигоньаль, или адюгеналь хлопчатобумажную брали* (ОСК, I: 35); *Это токо у золотарей. У них только лоток, кайла, или кирька, и лопата, и азиатский ковшик* (ОСК, I: 36).

б) *Шишкарки шишки заготовляют. Барцем сбивают, или колотушкой* (МДС, II: 155); *Двухпёрстка (сеть с ячеей в два пальца) — два пальца в клетку влезет, или перста* (МДС, II: 252).

Союз *али*, по замечанию В. В. Палагиной [1: 11], постепенно исчезает в сибирских говорах и заменяется *или*:

У граблей *черень, или грабелыше*, грабельные зубы внизу (МДС, I: 96); *Ну, а мочалка, или вехотка*, — это маленькая судомоечка (МДС, I: 218); *Теперь пиво, а раньше барёра все звали или медовуха* (ОСК, I: 110).

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *али* дан с пометами «нар.-поэт.» и «прост.», имеет значение разделительного союза 'или': *Устал али болен* — и частицы, употребляющейся в начале предложения в значении 'разве, неужели': *Али я тебя не любила?* В отличие от союза *или*, имеющего разделительное и пояснительное значения, пояснительное значение союза *али* словарь не фиксирует, хотя имеются художественные стилизации *али*-пояснительного: *Так что вышло по-еёному. Выучил Бенедикт азбуку, али, по-научному, алфавит, накрепко* (Т. Толстая. Кысь); *А на все наука должна быть, али сказать система* (там же).

Реже разделительные *или*, *али* и их варианты встречаются в не спровоцированных диалектологом пояснительных контекстах, записанных нами в деревнях Томской и Кемеровской областей:

Вот раньше избы были // Среди избы матка // иль бревно тако делали // У его железка / и така жердь гладенька // 504

Люльку на её навешат // Ребёнка качали //; Пригон есть для скота // Как бы задний двор // нечистый двор // У их ворот не было / делались заворки // или палки // Скотину загнали / заворки закрыли / и всё //; Какой там свет // Керосин берягли // Возьмём смоляки // или чурочки таки сухи //; Топляки / иль лес в воде который / теперь заместо рыбы //; Пирожки / але стручочки таки на горохе // А поди посмотри / Хош и сорви дак //.

Кроме *или* (*иль*, *али*, *але*, *аль*) в значении пояснительных в спровоцированных и (реже) не спровоцированных контекстах употребляются разделительные союзы: *либо* (*либы*) (его позиция свободная), *ай* (позиция фиксирована) — и союзная частица *ли*, для которой типично положение после поясняющего слова, хотя положение между членами ряда не исключено. Приведем примеры.

Либо:

а) *Сохатые / либы лоси / тоже славляли //; Дорога / либо тракт / это у нас в стороне //; Набирки / либо корзинки таки / и щас они есть //; Макушка / верхушка либо / у дерева // У человека так макушка //; Рукавицы верхонками зовут, а мы вязанки, либо исподки (МДС, I: 147).*

б) *А как же // Леса / так у нас лесник ести // оббезишик либо //.*

Ай:

а) *Зорьки / тех дак десятками продавали // Зорька / ай соты / ячя // зорька //; Сенчак / то гнило быстро // Сенчак ай трава / сено // По осени что косили //;*

б) *Пёстерь красивый плетут // из бересты // ай короб ешишо //; Толкунец ли чё ли / мяли ём // Ай толкушка // Бутылкой так тоже намну //.*

Ли:

а) *Окладники / брёвна ли нижны / погнили // Глянь-ка / труха //; И кони / и все / в яслях жуют // В кормушках ли //; Раньше качки были // люльки ли //; Ну, мы аббокат нанимаешь, защитник ли (ОСК, I: 29).*

б) *Конюшня была, где конёв держали, конский ли двор (МДС, I: 164).*

Ли имеет оттенок сомнения в правильности номинации, точности обозначения. Наличие частицы в речи подразумевает своеобразную апелляцию к собеседнику: «так ли я говорю?», «верно ли то, что я говорю?» Таким образом прослеживается определенная связь между *ли*-пояснительным и *ли*-вопросительным, характерным для модального вопроса, то есть вопроса о том, соответствует данное событие действительности или нет.

В пояснительных контекстах зафиксированы единичные случаи использования сочетаний *или... ли*, *ну... ли*:

На печку залезешь, лежать можно на полетике, таки были раньше полетики, или лежанка ли (МДС, I: 180);

В глаза батя, а за глаза **батька** или **дедка** ли (ОСК, I: 125); *Стоит сено на лугах на покосе. Вот всё скормили, а потом одёнок остался, ну остаток ли (МДС, I: 161); *Чулки вяза-ли, катанки катали. Катанки, ну, валенки ли (МДС, I: 250).**

В условиях диалектной диглоссии определить, имеют ли рассмотренные союзы пояснительное значение или они используются для представления альтернатив говорящего в выборе номинации, порой затруднительно.

Лексика южнорусского свадебного обряда (на примере говоров Воронежской области)

Е. А. Попова

Воронежский государственный университет

fatality_ever@mail.ru

Диалектология, лексика, этнография, обрядность, украинский язык

Summary. The research work is concerned with dialect lexis referring to the traditional Russian wedding ritual. Based upon the results of dialectological expeditions and ethnographic studies in Voronezh region, it offers a detailed classification and analyses of the South-Russian ritual lexis. The work also illustrates Ukrainian influence on Voronezh dialects.

1. Проблемы исследования обрядовой лексики

Обряд представляет собой совокупность установленных обычаев или ритуалом действий, в которых воплощаются религиозные представления и бытовые традиции. В обрядности отразился богатый многовековой опыт народа, своеобразные этика и эстетика. Большое значение имеют такие качества обряда, как общеобязательность и тесная связь с исторической традицией.

Особое значение имеет исследование семейных ритуалов, которые сопровождали наиболее значимые, переломные моменты жизни людей: рождение, свадьбу, похороны (смерть). Так, свадебный обряд прямо или косвенно затрагивал многие стороны жизни народа. Свадебные обычаи регулировали взаимоотношения не только самих вступающих в брак, но и вступающих в родство семейных коллективов и т. д. Кроме того, в свадебном комплексе ярко проявляют себя элементы материальной культуры (широкий круг ритуальных предметов), словесного, музыкального фольклора и драматического искусства.

Как известно, хотя форма обряда в целом во всех местностях оставалась неизменной, в разных районах (и даже в соседних деревнях) имелись свои особенности. Все локальные различия в культурно-бытовой сфере, безусловно, нашли отражение в лексическом обеспечении обряда. Поэтому большое значение не только для диалектологии, но и для краеведения, этнографии и других дисциплин имеет изучение регионального словарного обеспечения обрядовой сферы.

2. Характеристика лексем

тематической группы «свадьба» в воронежских говорах

Свадебный ритуал представлял собой комплексное действие, включавшее в себя целый ряд мероприятий до и после непосредственно венчания. Кроме того, свадьба предполагает наличие большого числа участников, обладающих рядом специфических функций. Большое значение придавалось различным предметам обихода, использовавшимся на том или ином этапе ритуала. В соответствии с этим лексемы тематической группы «свадьба» можно разделить на несколько лексико-семантических групп:

1) диалектные обозначения свадьбы и наименования основных этапов проведения обряда: *веселуха, веселье, глядины, запои* (*Сп'єрвѣ лабѣ справл'ѣдут, ну т'ан'єр' запои нъзывѣдут* — вот ани с'ѣдут', дѣгавѣриваѣуць за м'ѣсиц, а то за н'ад'ѣл'у — Хохольский р-н), *княжѣй пир* (*Ус'ѣ рад'н'ѣ на кн'ажѣм пиру гул'ѣт* — Давыдовский р-н), *молстый ужин, хвост* (*Ѣта пасл'ѣднѣй пир на свѣд'би* — Аннинский р-н), *отводы*; преобладающие типы номинации для данной группы — функциональный и хронологический;

2) наименования участников свадебного ритуала: жениха и невесты (*назывной, рѣчный, суженый; назывня, бедоушка, калинка, рѣчная*), сватов (*невѣстница, свѣтъя, сходаха, ходѣк, сват*), ближайшего окружения молодых (*дружка, дружѣк, тѣсяцкый, шѣфер*: *Долгѣ дружка тарѣуць, никак н'ав'ѣсту н'ѣ выкутит* — Репѣвский р-н), прочих свадеб-

Литература

1. Палагина В. В. Синтаксические особенности говора западной части Томского района // Учен. зап. Томского ун-та. 1954. № 19. С. 3–30.

Источники

МДС — Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / Под ред. О. И. Блиновой. Т. 1–2. Томск, 1982–1983.

ОСК — Областной словарь Кузбасса / Под ред. Э. В. Васильевой. Вып. I–. Кемерово, 2001–.

ных чинов (*вечѣрние, гулючие, поезжане, игрицы, заломцики* и др.: *Гул'уциѣ аставѣлис' ѣжыньт'* — Семилукский р-н);

3) наименования символических предметов и атрибутов свадьбы: символов невесты (*красота, калинка: Д'ѣфки н'амѣжнѣ краснѣѣ красаты насѣли* — Бутурлиновский р-н); одежды и украшений (*венѣц, вѣнчик, волосник, дѣмка: Н'ав'ѣста на галав'ѣ дѣмку нѣсь када у цѣркаф' ѣдут'* — Панинский р-н); обрядовых кушаний (*витушки: Витушки нынча пик'ѣм, свѣты приѣдут дагавѣриваѣць* — Лискинский р-н); *каравѣй: Кѣравѣй-та свѣт'ѣа н'аклѣ* — Острогжский р-н); *каша-выгонѣлка: А пѣт кан'ѣц кашу-выган'ѣлку стѣв'ут, што парѣ расхадѣць* — Панинский р-н); атрибутов свадьбы (*дарѣк, дарунѣц, добрѣ, козыри: Маладѣх на казыр'ѣх на с'ѣлу катѣли* — Эртильский р-н); *клеть* и т. д.).

3. Специфика воронежского свадебного обряда

На основании анализа собранного материала можно говорить о том, что воронежский свадебный обряд является одним из вариантов южного архетипа русской свадьбы. Об этом свидетельствует наличие многообразных семантических параллелей с лексикой ритуалов Курской и Орловской областей. Вместе с тем в области композиции обряд и номенклатуры свадебных чинов отмечаются параллели и с лексикой северных областей, что говорит о всеобщем характере основ свадебной обрядности, а также об известном консерватизме традиций на территории России.

Локальные особенности обряда во многом связаны с влиянием украинского языка, обусловленным пограничным положением Воронежской области. Украинское влияние подтверждается наличием большого числа одинаковых лексем с обрядовым значением в русском и украинском языках. Так, в воронежских говорах встречаем слово *беседа* в значении «совокупность гостей на свадьбе»: *Друшки сад'ѣць з бис'ѣдѣ зѣ сталѣми* — Репѣвский р-н. В том же значении данная лексема употребляется в диалектах Украины: *беседа (бесѣда)* — «сужѣнность учѣсникѣв вѣсѣлля» (Луганська область). Также в украинских говорах, равно как и в воронежских, известна *каша* как последнее блюдо свадебного застолья: *То стѣрѣва, цѣо сигнѣлѣзуѣ про заѣвершѣннѣя вѣсѣлля* (Луганська область).

Литература

1. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2004.
2. Карасева Т. В. Характеристика воронежской крестьянской обрядовой пищи // Этнография Центрального Черноземья России: Сб. науч. тр. Вып. 2. Воронеж, 2003. С. 33–49.
3. Картоотека Словаря воронежских говоров. Воронежский государственный университет, 1966–2009.
4. Магрицька Ирина. Словник вѣсѣльнѣй лѣксикѣ украинських схѣдно-слобожанських говѣрок (Луганська область). Луганськ, 2003.
5. Попова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2008. С. 153–156.
6. Пухова Т. Ф., Букина М., Телкова О. Свадебный обряд сел Эртильского района Воронежской области // Этнография Центрального

- Черноземья России: Сборник научных трудов. Вып. 5. Воронеж, 2006. С. 58–62.
7. Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / Под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л., 1978.
8. Филатова В. Ф. Классификация обрядовой лексики (на материале обрядовой лексики восточной части Воронежской области) //

- Воронежское краеведение: опыт и перспективы развития. Тезисы докладов и сообщений. 25–26 ноября 1989. Воронеж, 1991. С. 122–125.
9. Христова Г. П. Традиции свадебного обряда в селах Лискинского района Воронежской области // Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. Вып. IV. Воронеж, 2006. С. 45–55.

Внутренняя форма словообразовательного типа «Осн. сущ. + -ин(а)» как внутренняя детерминанта его пропозиционально-семантического устройства

А. В. Проскурина

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

proscurina@yandex.ru.

Словообразовательный тип, внутренняя форма, культурная обусловленность, русские говоры

Summary. The work is devoted to the consideration of word formational type inner form in the aspect of determination by culture and by human's cognitive activity. The research is made on the material of Russian folk dialects.

1. Вводные замечания

В рамках современной лингвистики, приобретающей статус объяснительной и прогнозирующей дисциплины, закономерным становится изучение внутренней формы в ее соотносительности как с языком, так и с его разноуровневыми единицами. Поскольку «в языке существует все, что не запрещено системой» [4: 103], выявление специфических особенностей внутренней формы сопряжено с решением проблемы потенциального и реализованного в его границах. Это, в свою очередь, провоцирует осознание системности языка в аспекте его взаимосвязи с культурой и познавательной деятельностью человека.

Развивая мысль В. фон Гумбольдта о целостности языка и о наличии в языке наряду с актуализованными смыслами смыслов потенциальных [3], Г. П. Мельников выделяет внутреннюю и внешнюю детерминанты, действующие взаимонаправленно и отражающие как в реализованном, так и в потенциальном в языке дух нации, уровень ее культуры, апперцепцию и специфику мировидения посредством языка [5]. Представляется релевантным рассмотрение внутренней формы словообразовательного типа основной комплексной единицы словообразовательной системы в связи с двуязычным модусом его существования (на уровне макромоделей и в диалектных зонах русского языка).

2. Основные результаты

(1) Внутренняя форма словообразовательного типа «Осн. сущ. + -ин(а)» (СТ) как системы, кодирующей информацию о внеязыковой действительности, выступает внутренней детерминантой его пропозиционально-семантического устройства, т. е. «определяющей, детерминирующей, системообразующей особенностью языкового “организма”» [5: 139], его смыслового пространства.

(2) Имея ментально-семиотическую природу, внутренняя форма словообразовательного типа «Осн. сущ. + -ин(а)» предстает в качестве механизма эксплицитно и имплицитно происходящих процессов смыслообразования, детерминирующих формирование смысловой многомерности его пропозиционально-семантического устройства.

(3) Путем последовательного анализа мотивирующего пространства, формируемого совокупностью мотиваторов как носителей смыслов, набора производных единиц и комплекса лексико-словообразовательных значений (ЛСЗ) в рамках словообразовательно-пропозициональных значений (СПЗ), демонстрирующих возможные направления смыслообразования, обнаруживается системный потенциал рассматриваемого словообразовательного типа как макромоделей.

(4) На основе применения методики сопоставительного описания словообразования русских говоров, реализованной в работе Л. А. Араевой при моделировании словообразовательного типа (первоначально представленной Р. И. Аванесовым при описании диалектных различий на фонетическом уровне), в сочетании с пропозициональным анализом сло-

вообразовательного яруса языка выявляются закономерности, логика актуализации системных потенциалов его инвариантной структуры при ее свертывании в конкретных диалектных зонах.

(5) Рассмотрение мотивирующего пространства исследуемого СТ через выявление актуализованных аспектов семантики мотивирующих единиц в смысловой структуре дериватов и их пропозициональную репрезентацию обнаруживает заложенный в нем смысловой потенциал, формируемый системой смысловых сфер, которая представляет наиболее значимые сферы культуры в их взаимосвязанности и сочлененности.

Каждая из смысловых сфер («объект», «место», «время», «результат», «средство»), получающая воплощение через мотивирующие единицы, обладает способностью порождать, прогнозировать другие смысловые сферы, в совокупности с ними образуя смысловое пространство типа в целом. Выявленные виды смыслового взаимодействия обнаруживаются на словообразовательно-пропозициональном и лексико-словообразовательном уровнях пропозиционально-семантической организации типа. Распределение СПЗ (23) и ЛСЗ (230) в рамках типа подчинено воссозданию «событийности» мира, отражению поэтапного хода жизнедеятельности субъектов культуры. На основе количественных данных, свидетельствующих о смысловой емкости СПЗ, выделяются ядерные и периферийные зоны внутривидового словообразования.

Набор СПЗ варьируется в количественном и качественном отношении в зависимости от функционирования СТ в диалектных зонах русского языка. Из выявленных 23 СПЗ, представленных в СТ как макромоделей, одни СПЗ (9) оказываются общими для всех диалектных зон (полностью соотносительные): *Артефакт — средство по функционально значимому объекту; Артефакт — результат по функционально значимому средству* и др.; другие СПЗ характерны для отдельных диалектных зон (частично соотносительные): *Артефакт — средство по функционально значимому месту — севернорусские, уральские, западносибирские, восточносибирские говоры* и др.

(6) Неодинаковый набор СПЗ в разных диалектных зонах по сравнению с набором СПЗ на уровне макромоделей позволяет предположить, что эксплицитные и имплицитные процессы смыслогенеза, протекающие в границах описываемого типа, направлены в каждой из зон на порождение его своеобразного смыслового потенциала и детерминируют специфику его пропозиционально-семантического устройства.

Литература

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Кемерово, 1994.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2001.
4. Матвеева Л. Н. Знал ли Пушкин слово «тётя»? (из проблем онтологистики) // Проблемы лингвистической прогностики: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 103–109.
5. Мельников Г. П. Системная типология языков. М., 2003.

Человек в русской диалектной фразеологии (на материале говоров села Апухтина Одоевского района Тульской области)

М. А. Родина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

rita72007@yandex.ru

История языка, русский язык, диалектология, фразеология

Summary. Features of the dialect phraseology is increasingly attracting the attention of researchers. On the one hand, the laws of formation dialect and literary (we are speaking about modern Russian literary language) stable units are identical, but though a principle point of appears phraseologisms in popular dialects should be considered substantive specificity, underlying in their basis, because speech has unlimited possession opportunity of metaphORIZATION meanings words and whole phrases.

1. Особенности диалектной фразеологии

Своеобразие диалектной речи проявляется и в особенностях соединения слов. Ограниченная сочетаемость многих слов в говорах, приводит к образованию фразеологических оборотов, различных и по использованию, и по структуре, и по эмоциональной насыщенности [1].

2. Принципы классификации диалектных фразеологизмов

Существуют разные принципы классификации диалектных фразеологических единиц:

а) формальные: по наличию / отсутствию в устойчивом сочетании диалектных слов, по степени слитности компонентов фразеологической единицы;

б) функциональный: диалектные фразеологизмы могут выполнять номинативную функцию (нейтральные фразеологические единицы) и употребляться для оценочной характеристики объектов (эмоционально окрашенные фразеологические обороты).

3. Семантический принцип классификации диалектных устойчивых выражений

В основу классификации единиц диалектной фразеологии может быть положен и семантический принцип. В этом случае описываются так называемые фразеосемантические поля. Одной из попыток такого структурирования можно считать наблюдения за фразеологизмами, представленные в словаре «Человек в русской диалектной фразеологии» [2]. Как ясно из названия, в данном издании собраны диалектные фразеологические единицы, составляющие семантическое поле «Человек».

4. Распределение диалектных фразеологизмов по фразеосемантическим полям

Актуальность именно этой темы становится более очевидной, если обратиться к результатам исследования фразеологических единиц, проведенного автором в селе Апухтине Одоевского района Тульской области. Из 43 собранных к настоящему времени фразеологизмов 32 так или иначе служат для характеристики человека: особенностей его

поведения, характера, физического состояния. И большинство из них выполняют в говоре оценочную функцию, характеризую объект номинации, а через него и ее субъект (*квасы неукисшие* — неодобрительно о вялых, безынициативных людях, *из ног глухоту выбивать* — бесполезно ходить, делая что-то, *оторви да брось* — о человеке отчаянном, дерзком, *трынка расколота* — «несобранный человек», *Исай раздумал жениться* — укоризненно о тех, кто в последний момент меняет свое решение).

5. Междиалектные аналогии в области фразеологии

Затрагивая тему истории языка, нельзя не сказать о диалектах, которые по праву считаются живыми свидетелями этой самой истории языка и истории народа. Тождественность языковых элементов в тех или иных говорах, как и межъязыковые соответствия, свидетельствуют о давних или современных контактах носителей диалектов и языков, а порой и об их родстве.

Следовательно, не менее важным аспектом изучения фразеологии указанного говора представляется и тот факт, что многие из устойчивых единиц находят прямые или косвенные аналогии в других говорах.

6. Использование диалектных фразеологических материалов в учебных и методических целях

Вместе с тем нельзя не отметить, что значительная часть фразеологизмов не отражена ни в специальных (указанный выше словарь «Человек в русской диалектной фразеологии»), ни в общедиалектологических словарях (например, в «Словаре русских народных говоров»). Это дает исследователю возможность надеяться на применение результатов его работы в методических и учебных пособиях по дисциплине «Диалектология», как объективно отражающих современное состояние указанного говора.

Литература

1. Русская диалектология: Пособие для вузов / В. В. Колесов, Л. А. Иващенко, Л. В. Капорулина, В. И. Трубинский, О. А. Черепанова. М., 2006.
2. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. М., 2004.

Праславянская лексика в русских говорах Алтая (по материалам «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая»)*

Л. И. Шелепова

Алтайский государственный университет (Барнаул)

lshelepova@yandex.ru

Этимология, словарь, говор, Алтай, праславянская лексика

Summary. In the report on the basis of created «Historical-etymological dictionary of Russian dialects of Altai» there the lexis of parent Slavonic origin is analysed and also its links with the vocabulary of Slavonic languages and other Russian dialects are formed.

Работа над «Историко-этимологическим словарем русских говоров Алтая» (на сегодняшний день авторским коллективом написаны около 4000 словарных статей на буквы А-К: *абáбки* — *картбиный*) позволяет сделать некоторые (предварительные) выводы об этимологическом и историческом статусе диалектных слов алтайского региона. В частности, проведенный анализ дает основания утверждать, что подавляющее большинство записанных на Алтае слов — исконного происхождения, причем значительная их часть относится к праславянскому лексическому фонду.

Среди диалектных слов праславянского происхождения, зафиксированных на Алтае, можно выделить (на данном этапе исследования) следующие группы.

1. Слова, встречающиеся в других славянских языках и в русских народных говорах (как материнских, так и вторичных — сибирских).

Это самая обширная группа, в нее входят, например, следующие лексемы: *абáбки* (*обáбки*) «подберезовики», *абáрка* (*обáрка*) «суп из фасоли», *бáба* «приспособление в ткацком станке для сматывания пряжи», «станина, ось жернова водяной мельницы-мутовки», *бáбка* «разновидность малой кладки снопов в поле», «наковаленка для отбивания кос», *бабúрка* «насекомое, бабочка», *ботéть* «толстеть», *бриткий* «острый», *бродник* «небольшой невод» и мн. др. Данная группа слов отличается тематическим разнообразием. Кроме того, лексемы, входящие в нее, могут иметь как широкий ареал рас-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-04-60401а / Т).

пространения в славянском и русском диалектном континууме, так и узкий — встречаться лишь в отдельных славянских языках и русских говорах. Например, глагол *бáбить* «заниматься ремеслом повивальной бабки, принимать роды», зафиксированный на Алтае, отмечается также в новг., пск., смол., калуж., орл., курск., нижегор., олон., арх., перм., том., челяб. говорах русского языка [СРНГ, 2: 20] и других славянских языках: болг. (*бáбя*), макед. (*бáби*), сербохорв. (*bábitи*), словен. (*babiti*), чеш. (*babiti*), словц. (*babit'*), в.-луж. (*babíć*), укр. (*bábitи*), блр. (*bábiць*) [ЭССЯ, 1: 110]. Прилагательное же *бездомóвий* «бездомный», записанное в селе Коробейниково Усть-Пристанского района Алтайского края, отмечено лишь в словаре В. И. Даля (без указания места), а из славянских языков встречается только в чеш. (*bezdomový* «безродный») и польск. (*bezdomowy* «бездомный») [ЭССЯ, 2: 18].

2. Слова, являющиеся продолжением праславянских форм, употребляемые в других русских говорах, но не засвидетельствованные или слабо засвидетельствованные в других славянских языках.

К таковым может быть отнесено существительное *бáзлó*, записанное в с. Талица Усть-Канского района в значении «широко раскрытый рот». В других русских говорах данное слово фиксируется в значениях: «горло, глотка» (Нижегор., Влад., Яросл., Перм., Свердл.); «крикун, горлодёр, плакса» (Обск., Перм., Твер., Яросл., Свердл., Новосиб., Хакас.); «врун, обманщик» (Олон., Новг.); «злой человек, злока» (Самар.); «о чем-либо старом, плохом, негодном (иногда — бранно о стариках)» (Симб., Пенз., Казан., Урал.); «обглоданная кость» (Сарат.) [СРНГ, 2: 50]. Как отмечают составители «Этимологического словаря славянских языков», «это экспрессивное слово с невыясненной историей неоднократно относилось исследователями к праславянской лексике и даже дало повод к этимологической дискуссии». Ильинский справедливо указал на то, что русск. *бáзлó* стоит в одном ряду с многочисленными глаголами и прочими словами с корнем *бáз-* «кричать», ср. русск. *бáзани́ть*, *бáзлизть*, *бáзлани́ть*, *бáзан*, *бáзлан*, *бáзел* и др.; *бáз-* есть расширение и.-е. **bha-* «говорить» формантом *ǵ*, куда автор относит также греч. βάζω «говорить, болтать» < *βάγω [ЭССЯ, 1: 171].

Прилагательное *бесстýжий* «бесстыдный, беззастенчивый, наглый», зафиксированное на Алтае, широко употребляется в других русских говорах [СРНГ, 2: 278–279]. Данное слово является производным с суффиксом *-j-* от древнего сложения **bezstudъ* (**bez* и имени *studъ*), отразившегося в сербохорватском антропониме XIV в. *Bestud*. Способ суффиксации делает вероятной праславянскую древность рассматриваемого прилагательного [ЭССЯ, 2: 46].

3. Слова, являющиеся продолжением праславянских форм, не отмеченные в других славянских языках и говорах русского языка.

Например, в селе Тогул Алтайского края встретилось слово *бодыса* — «чурка, на которой колот дрова». Считаем несомненной его связь с праславянскими формами **bodъ*, **bosti*, **bodъ* и их производными в славянских языках, ср.: чеш. *bod* «укол, удар острым», *bodka* «приспособление на лесопилке», словен. *bodálo* «кинжал», *bodák* «колющее оружие, штык», *bodice* «железные тройные вилы», *bodilo* «колющее оружие», сербохорв. *bödivo* «верхушка, заостренная часть предмета, которой колот» и др. [ЭССЯ, 2: 151–157].

4. Слова, имеющие соответствия в других славянских языках, но отсутствующие или слабо представленные в других русских говорах.

Так, только на Алтае (в с. Санниково Усть-Канского района) зафиксировано прилагательное *берёзовый*, характеризующее масть лошади: *Буланый* — *сжелта*, *берёзовый синим отдаёт*. Можно привести следующие соответствия в славянских языках и их диалектах: чеш. диал. *březavá (kráva)* «корова, у которой спина и живот белые, а остальное — красное или черное», словц. диал. *březavý* «белопестрый (например, о волах, о корове)», сербохорв. *брёзава* «пеструха (о корове)» [ЭССЯ, 1: 203–204].

Светлоглазого человека в некоторых говорах на Алтае называют *белобчий*. На юге России засвидетельствовано слово *белобок* — «местное название рыбы Abramus sora Palligs, сем. карповых» [СРНГ, 2: 223]. В праславянском языке реконструируется форма **bělookъ(jь)*, нашедшая продолжение в таких славянских прилагательных, как сербохорв. *белóок*, *бјелóок* «с белыми кругами вокруг глаз (о животных и птицах)», словен. *beloók* «белоглазый», чеш. *bělooký* «белоглазый, светлоглазый», польск. *białooki* «белоглазый», укр. *біло́кий* «белоглазый», блр. *белаво́кі*, сюда же фамилия *Белаво́кі* [ЭССЯ, 2: 72].

Сбор и обобщение подобного материала (в рамках создания «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая») будут способствовать выявлению лексических связей исследуемых говоров с другими славянскими языками и диалектами и (на этой основе) установлению места русских говоров Алтая в славянском языковом пространстве.

Условные сокращения

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. М.; Л.; СПб., 1965–2007.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславян. лекс. фонд. Вып. 1–34. М., 1974–2008.